Арсений Архипов

СИМФОНИЯ ПЕПЛА СТАЛИ И ХАОСА

Симфония Этерии

Арсений Архипов

Симфония Пепла, Стали и Хаоса

«Автор»
2026

Архипов А.

Симфония Пепла, Стали и Хаоса / А. Архипов — «Автор», 2026 — (Симфония Этерии)

Меня зовут Теодор, и я записываю эту историю со слов тех, кто выжил. Это летопись о шестерых беглецах, которые стали последней надеждой Этерии.Шляхтич Пан Заглоба потерял родину и нашел волю в цепях. Вместе с ним — овен-инженер, орк-дезертир, эльфийка-изгнанница, трусливый гоблин и безумный маг. Когда-то эти слова ничего не значили. Теперь за их спинами — пепел восстаний и ужас древнего Хаоса, который они случайно разбудили.Их путь лежит через земли, где веками убивали друг друга. Чтобы остановить Бездну, им придется совершить невозможное: объединить эльфов и орков, гномов и людей. Собрать древние артефакты, пока мир не треснул по швам.Это история о том, как случайные герои учатся доверять друг другу. И о том, что даже в самом темном аду можно найти свет.Это пятая летопись из Храма Памяти, написанная Теодором. Эпическое приключение о невозможном союзе перед лицом конца света.

© Архипов А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие 5
Акт I: Пепел и Сталь 7
Глава 1: Пан Заглоба 7
Глава 2: Карак-Зул 15
Глава 3: Плен 20
Глава 4: Морской Ветер-перемен 26
Глава 5: Пепел и Сталь 35
Глава 6: Нерв земли 44
Глава 7: Искра заговора 48
Глава 8: Огонь веры и ядро сомнений 53
Глава 9: Кровь на пепле 58
Глава 10: Призыв Бездны 65
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Арсений Архипов
Симфония Пепла, Стали и Хаоса

Предисловие

Меня зовут Теодор.

Теперь уже просто Теодор — без титулов, без званий, без пророчеств. Я пережил несколько войн, одного падшего архонта и столько ночных кошмаров, что хватило бы на десяток жизней. Но сегодня я пишу не о себе. Сегодня я пишу о тех, кто вошёл в историю под именем, которое они сами себе дали в шахтах, пропахших серой и смертью.

«Восставшие из Пепла».

Было время, когда эти слова ничего не значили. Шестеро беглецов на дырявом корабле, спасающихся от хаоса, который они же помогли разбудить. Шляхтич, потерявший родину и нашедший волю в цепях. Овен, чей молот стоил дороже любого королевства. Орк, предавший Империю, но не предавший чести. Эльфийка, изгнанная за правду. Гоблин, переросший свой страх. И маг, чей безумный гений стал последним доводом порядка против бездны.

Я не был с ними тогда. Я узнал их историю позже, по обрывкам писем, по рассказам тех, кто видел их путь от проклятых берегов Золомара до ледяных пиков Хеймгарда. Мой тогдашний путь лежал в иных землях, о чём я уже рассказал вам в предыдущих томах. Но река истории сходится в одном устье, и без этой главы всё, о чём я писал раньше и напишу после, останется лишь хаотичным набором слов.

Эта книга — о путешествии.

Не о том, где карты ведут к сокровищам, а о том, где страх ведёт к отчаянию, а отчаяние — к единству. Мои герои искали не золото и не славу. Они искали Якоря Порядка — древние артефакты, способные скрепить реальность, которая уже начала распадаться на части, заражаясь тленом лжи и предательства.

Им отказывали. Их предавали. Их бросали в темницы и травили тварями, каких не видывал даже я, повидавший гримвольфов вблизи. Но они шли. Потому что кто-то должен был идти.

Я назвал этот том «Симфонией пепла, стали и хаоса» не ради красивых слов. В их истории есть своя музыка — низкий гул рабских барабанов, пронзительный свист стрел в лесах Блаженных Лесов, грохот овньих молотов, лязг орских легионов и тихий, почти нежный стук её сердца — той, кто записывал всё на страницах своего дневника, пока другие держали мечи.

Но я забегаю вперёд. Как всегда.

Вы спросите меня, чем кончилась их одиссея? Я отвечу: тем же, чем начинается любая правда — болью и надеждой. Но это будет потом. А пока — закройте глаза и представьте:

чёрный пепел, падающий с неба, запах серы и железа, и шесть фигур, идущих сквозь этот ад, потому что им некуда больше идти.

Это — «Симфония пепла, стали и хаоса».
Это — история о том, как шестеро случайных героев стали последней надеждой Этерии.
Это — сердце моей летописи.

Теодор, бывший инквизитор, хранитель Храма Памяти.
Год 1251 от Великого Исхода

Акт I: Пепел и Сталь

Глава 1: Пан Заглоба

«Честь — это не то, что даётся с саблей. Это то, что остаётся, когда сабля уже не в руке»

— из записей безымянного шляхтича.

Раннее утро разбудило пана Заглобу не ласковыми лучами солнца, которые он так любил в детстве, а резким, увесистым пинком дежурного по казарме — сапогом, от которого даже сквозь грубое одеяло чувствовалась боль.

— Подъём, шляхтич! Сонное царство оставь для орков в их степях! — прозвучал над ухом хриплый, прокуренный голос, в котором не было ни капли сочувствия. — Гетман Богдан не для того вас кормит, чтобы вы до обеда бока пролёживали!

Заглоба открыл один глаз, потом второй, и нехотя поднялся с жёсткой соломенной постели, которая за два года так и не стала мягче. Он был молодым человеком лет двадцати пяти, с тёмными, всегда слегка растрёпанными волосами, которые не слушались ни гребня, ни воды, и парой живых карих глаз, в которых читалась смесь ума, усталости и толики здорового цинизма, выработанного годами службы. Его лицо, хоть и не обезображенное шрамами, уже потеряло юношескую мягкость — сказывались два года службы на восточной границе Шляхии, два года бессонных ночей, холодных ветров и бесконечного ожидания.

Он потянулся, и его позвоночник издал знакомый, почти музыкальный хруст, разносившийся по пустой казарме. Воздух здесь был густым и спёртым — пахло потом, дешёвым табаком, прогорклым маслом для оружия и ещё чем-то кислым, что въелось в деревянные стены за долгие годы. За окном, сквозь мутное стекло, пробивался бледный, ещё не набравший силы свет, обещая день, который не принесёт ни отдыха, ни покоя.

Заглоба начал облачаться в свой доспех — добротную, но потрёпанную кожаную кирасу с нашитыми стальными пластинами, которые уже не раз спасали его от стрел и клинков. Он затянул ремни с привычной, выработанной за месяцы автоматичностью, чувствуя, как кожа, пропитанная маслом и потом, ложится на плечи тяжестью, ставшей почти родной.

У выхода он задержался. Взгляд его упал на саблю, висящую на деревянном колышке у двери. Карабела деда — память о временах, когда род Заглобы был чем-то большим, чем просто шляхта без гроша за душой. Рукоять, обёрнутая потёртой кожей, хранила тепло ладоней нескольких поколений. Дед рассказывал, как этой саблей рубился под Неманом, как водил отряд в атаку, когда враг был втрое сильнее. Врал, наверное. Или не врал? Заглоба провёл пальцем по тусклому, но всё ещё острому лезвию, и оно отозвалось тихим, почти неслышным звоном.

Отец, провожая его в эту глушь, сказал: «Береги честь, сынок. Саблю мы наживём, а честь — нет». Глупые, пафосные слова, от которых тогда, хотелось смеяться. Сейчас, после двух лет службы, в этой пыльной казарме, они всплыли в памяти и кольнули под рёбрами, как забытая рана. Что он нажил за эти годы? Мозоли на ладонях, привычку спать под храп и чувство, что

жизнь проходит мимо, как вода сквозь пальцы. Он тяжело вздохнул, снял саблю с колышка и, пристегнув её к поясу, вышел из казармы в прохладный утренний воздух.

Построение на плацу гарнизона замка «Ястребиное Гнездо» было недолгим. Холодный ветер с востока, пахнущий степью и чем-то неуловимо чужим, трепал знамёна и плащи. Комендант, полковник Браницкий — мужчина с седыми усами, густыми, как кусты, и взглядом, способным пробить дубовую дверь, — стоял на крыльце с каменным лицом, пока его помощник, тощий писарь с вечно мокрым носом, выкрикивал фамилии и распределения на день. Голос Браницкого, когда он заговорил, был сухим и резким, как треск сухой ветки:

— Внимание! Гетман Богдан изволил напомнить, что мы здесь не для того, чтобы прохлаждаться. Враг не дремлет, и каждый из вас должен быть готов в любой момент встать на защиту границ. — Он обвёл взглядом строй, и все невольно выпрямились. — Заступающим в дозор на восточной стене — быть особенно бдительными. В последнее время участились случаи наблюдения странных огней в степи. Не подходите близко к парапету. Докладывать о любых, даже самых незначительных подозрениях.

Заглобе и его напарнику, старому солдату по имени Мацек, выпало нести дозор на восточной стене. Мацек был ветераном, прошедшим не одну войну — его лицо было изрезано морщинами, а в глазах, водянистых и усталых, читалась мудрость человека, который видел слишком много смертей.

— Опять нам честь выпала пыль на стенах топтать, — проворчал Мацек, поднимаясь по узкой каменной лестнице. Каждая ступенька была выщерблена тысячами сапог, и на них лежал серый налёт вековой пыли. — Лучше бы на патруль послали, а то задница затекает быстрее, чем мозги выветриваются. Ноги уже не те, что в молодости.

— Тише, старик, а то комендант услышит и на конюшню определит, — усмехнулся Заглоба, хотя в его голосе не было настоящего веселья. — Будешь там с лошадьми разговаривать, они хоть отвечать не будут.

С вершины стены открывался вид на внутренний двор замка. «Ястребиное Гнездо» было важным пограничным форпостом гетмана Богдана, и жизнь здесь кипела с рассвета, как муравейник, развороченный палкой. У кузницы уже слышались ритмичные удары молота — местный кузнец, дюжий детина с руками толщиной в ветчину и лицом, покрытым копотью, подковывал лошадь, и его проклятия смешивались со звоном металла. С конюшен доносилось ржание и окрики конюхов, которые тащили мешки с овсом. Служанки с корзинами, полными белья, спешили к колодцу, а у столовой уже выстраивалась очередь из солдат, желавших получить свою утреннюю порцию каши и хлеба. Воздух был наполнен запахами дыма, лошадиного пота и кислой, ещё горячей похлёбки.

Встав на пост, Заглоба облокотился на грубый каменный парапет, холодный и влажный от ночной росы, и принялся изучать окрестности. За стенами замка расстилались владения гетмана Богдана — бескрайние ковыльные степи, которые колыхались на ветру, как волны, перемежающиеся рощами дубов и берёз, чьи кроны уже начали желтеть, предвещая осень. Вдали виднелась лента реки, серебряная и извилистая, а за ней — дымки деревень, чьи жители поставляли в замок провизию и рекрутов. Где-то там, за горизонтом, лежала и его родная деревушка, где остались стареющие родители. Он мог почти представить их — отца, склонивше-

гося над верстаком, и мать, стоящую у печи. Мысль о них была одновременно утешительной и болезненной.

— Слышал, на днях опять обоз с провиантом обстреляли, — нарушил молчание Мацек, доставая кисет с табаком и сворачивая самокрутку с методичностью, отточенной годами. — Говорят, оркские разъезды участились. Трое возчиков погибли, один ранен. Снова. В третий раз за месяц.

— Ничего нового, — вздохнул Заглоба, поправляя перевязь сабли. — Сидим тут как мыши в западне, а они, проклятые, как хотят, так и хозяйничают. Говорят, у них там новый вождь объявился, молодой и амбициозный, который хочет расширить границы.

— А ты что хотел? Наш гетман больше о пирах да охоте думает, чем о границе. Вот если бы...

— Ты боишься смерти, пан? — вдруг спросил Мацек, не глядя на Заглобу. Его голос был ровным, но в нём слышалось что-то, что заставило Заглобу замереть.

Вопрос застал врасплох, как удар кнута. Заглоба хмыкнул, пытаясь скрыть неловкость:

— А кто не боится? Только дурак не боится.

— Я не про то, — старик сплюнул табачную слюну за парапет, и она упала вниз, потерявшись в тени. — Я про то, как помереть. В бою — оно вроде почетно, да только больно и глупо. Или вот как мой свояк: спал пьяный и подавился языком во сне. Тоже смерть. А я вот думаю: хорошо бы дома, в постели, чтоб внуки вокруг. Глупости, конечно. Мы, солдаты, дома не умираем. Нас на чужбине земля принимает, а дома только ждут.

Заглоба промолчал. Но слова Мацека засели в голове, как заноза, которую не вытащить. Он посмотрел вдаль, на дымки деревень, которые таяли в утреннем мареве. Там, в одной из них, его мать сейчас, наверное, топит печь. И не знает, что её сын стоит на стене и слушает старого солдата про смерть. «Мать бы не одобрила этого разговора», — подумал Заглоба. — «Она всегда говорила, что мы не должны думать о конце, пока не проживём жизнь». Он сжал парапет так, что побелели костяшки.

Его мысли прервал внезапный, резкий звук горна, разносящийся эхом по всему замку. Заглоба вздрогнул и вцепился в мушкет, его сердце на мгновение остановилось, а затем забилось быстрее.

— Тревога? — прошептал он, всматриваясь в даль, туда, где степь сливалась с небом. — Орки?

— Нет, — сказал Мацек, прищурившись и вглядываясь в горизонт. — Смотри. Всадники. Но не орки. Знамёна не те.

Со стороны леса, на горизонте, показалось облако пыли, быстро приближающееся. Вскоре оно превратилось в отряд всадников — человек двадцать, не больше. На развевающихся знаменах Заглоба узнал герб союзного гетмана — Орлика, серебряного орла на синем поле. Сердце его немного успокоилось, но напряжение осталось. Гости редко приезжали в «Яст-

ребиное Гнездо» просто так. Вскоре к воротам подскакал рыцарь в сияющих латных доспехах, его конь был покрыт пеной.

— Открывайте! Гетман Орлик желает немедленной аудиенции у гетмана Богдана! — прокричал он, и голос его был резким и нетерпеливым. — Дело государственной важности!

Ворота со скрипом отворились, и в замок въехал сам гетман Орлик в окружении своей свиты — десятка суровых ветеранов в стальных кирасах, чьи лица были покрыты шрамами. Орлик был высоким, сухопарым мужчиной с седеющей бородой и пронзительным взглядом, который, казалось, видел насквозь. Заглоба и Мацек, затаив дыхание, наблюдали, как высокие гости проследовали к главному зданию. Через узкие бойницы, затянутые паутиной, Заглоба мог разглядеть, как слуги бросились открывать двери, как засуетились охранники.

— Интересно, что это его сюда принесло, — пробормотал Мацек, понизив голос до шёпота. — Не к добру это. Гетман Орлик не ездит по гостям просто так, если дело не пахнет порохом.

Спустя час из дверей вышел гетман Богдан в сопровождении Орлика. Они неспешно направились вдоль стены, беседуя вполголоса, жестикулируя. Заглоба, засмотревшись на них, неловко повернулся и... его мушкет со звоном ударился о каменный пол, и этот звук эхом разнёсся по всей стене, нарушив тишину. Оба гетмана остановились и устремили на него свои взгляды — один тяжёлый и строгий, другой холодный и оценивающий.

— Эй, шляхтич! Побереги оружие, оно тебе ещё пригодится, — строго сказал Богдан, и в его голосе слышалось раздражение. — Если оно у тебя не в руках, значит, оно тебе не нужно.

Орлик, мужчина с седеющей бородой и пронзительным взглядом, лишь усмехнулся, но в его усмешке не было тепла:

— Видно, не часто у вас тут тревоги, коли солдаты от скуки оружие роняют. Может, гарнизон расслабился?

Смущённый Заглоба вытянулся в струнку, стараясь не смотреть в глаза начальству, и почувствовал, как краска заливает его щёки. Гетманы прошли немного дальше и остановились в считанных метрах от него, за каменным выступом, явно считая, что их не слышно. Но ветер дул в их сторону, и Заглоба, затаив дыхание, напряг слух.

— Итак, Богдан, завтра на рассвете, — тихо, но чётко сказал Орлик, и его голос стал жёстче, словно сталь, которую закаляют. — Мои люди уже на позициях. Ваш гарнизон присоединяется к нам. Удар должен быть быстрым и сокрушительным. Мы должны ударить, пока они не ожидают.

— Я всё еще считаю это безумием, — вздохнул Богдан, и в его голосе слышалась усталость. — Атаковать орский форт Карак-Зул... У них там целый легион, хорошо укреплённый. Мы не знаем их численности.

— У нас есть фактор внезапности. И если мы не выбьем их оттуда сейчас, к весне они будут под стенами твоего замка, — голос Орлика был спокоен, но в нём чувствовалась сталь, не

терпящая возражений. — Я не дам им времени окопаться. Решай, Богдан. Или мы действуем сейчас, или через год я буду хоронить тебя под руинами твоей же крепости.

Заглоба замер, стараясь не пропустить ни слова. Сердце бешено колотилось в груди, заглушая даже шум ветра. Карак-Зул... Завтра... Битва... Он не знал, что сказать. Мысли путались, как нити в клубке. Когда гетманы удалились, он остался на посту с трясущимися руками, чувствуя, как холодный пот стекает по спине.

Вечером, сменившись с караула, он направился в кабак «Усталый Вепрь» — низкое, прокуренное заведение, где солдаты забывали о страхах за кружкой дешёвого пива. Здесь пахло кислым суслом, жареным луком и потом. У стойки уже сидел его старый приятель, Куба, сын местного кузнеца — коренастый парень с рыжими волосами и руками, покрытыми шрамами от искр.

— Слышал, гетман Орлик к нам пожаловал, — сказал Куба, отодвигая кружку с тёмным пивом в сторону Заглобы. — К войне пахнет? Что-то я не видел его здесь с прошлого года.

— Хуже, — мрачно ответил Заглоба, садясь на скрипучий табурет. — Завтра выступаем. На Карак-Зул. Идём на штурм.

Лицо Кубы побледнело так, что даже веснушки стали невидны. Его рука, сжимавшая кружку, дрогнула.

— Да ты что? Это же верная смерть! Говорят, орки там окопались как кроты, и магию какую-то тёмную используют. Я слышал от одного купца — он говорил, что видел там такое, от чего волосы дыбом встают. А он не из трусов.

— Выбора у нас нет, — Заглоба отхлебнул пива, и оно показалось ему горьким, как полынь. — Приказ есть приказ. Гетман Богдан не посмел отказать Орлику.

Их разговор прервал грубый, зычный окрик. Дверь кабака с грохотом распахнулась, и ворвался полковник Браницкий, его лицо было красным от холода и раздражения.

— Всех свободных от наряда — в казармы! Готовиться к выступлению! Завтра на рассвете — поход! Кто не успеет — того оставят в замке стены сторожить, а я на него рапорт напишу!

Куба побледнел, его глаза расширились от страха, но Заглоба сидел с каменным лицом. Только рука, сжимающая кружку, дрогнула — так сильно, что пиво расплескалось по столу, разливаясь тёмной лужицей. Он смотрел на неё и видел в ней не пиво, а кровь. Чужую. Свою. Два года он ждал настоящего дела. Два года молил богов о битве, о славе, о чём-то, что вырвет его из этой рутины. И вот оно пришло. А внутри — не азарт, не ярость, не предвкушение. Только холодная, липкая пустота, которая разрасталась в груди, как чёрное пятно.

— Мацек прав, — тихо сказал он сам себе, глядя на тёмную поверхность пива. — Дома не умираем. Но и славы здесь не наживём. Только могилу.

В казарме царила суета, хаотичная и нервная. Заглоба механически собирал вещи, его руки двигались сами собой, пока мысли были далеко. Он чистил и проверял мушкет, натирал

доспехи, укладывал в ранец скудные пожитки — запасную рубаху, немного еды, медальон с изображением святого Аурила. Медальон был старым, потёртым, и на его обратной стороне было выгравировано имя его матери. Он сжал его в кулаке, чувствуя, как металл впивается в ладонь.

Лежа в темноте, он слушал храп и вздохи товарищей, которые пытались уснуть перед завтрашним днём. И думал о завтрашнем дне. О родителях, которые ждали его возвращения. О том, увидит ли он ещё рассвет после завтрашнего, или его глаза закроются навсегда.

Утро началось с крика и суеты. Построение, перекличка, распределение. Заглобу, как и большинство солдат гарнизона, определили в пехоту — «стальных», как их называли за прочные кирасы. Элитная кавалерия шляхтичей была не для простого солдата, и он знал это. Он был слишком молод, чтобы командовать, и слишком беден, чтобы купить себе место в седле.

Когда армия покидала замок, на стенах и у ворот собрались провожающие. Жены обнимали мужей, матери, сдерживая слёзы, крестили сыновей, вешая им на шеи обереги. Дети стояли молча, глядя на уходящих отцов широко раскрытыми глазами. Заглоба сжал рукоять своей сабли и постарался не смотреть им в глаза. Он вспомнил, как сам когда-то стоял на пороге родного дома, и его мать, плача, вешала ему на шею оберег, а отец сжимал его плечо и говорил: «Возвращайся».

Армии двух гетманов соединились в одну и двинулись на юго-восток, оставляя за собой дымку пыли и молчаливые стены замка. Несколько дней пути прошли в тягостном ожидании. Вечерами у костров солдаты делились слухами и страхами, которые росли с каждым часом, как тени перед закатом.

— Говорят, у орков есть такие машины, что стреляют огнём, — сказал один молодой рекрут с дрожащим голосом, глядя на огонь костра, который отбрасывал на его лицо тревожные тени. — Шары из смолы, горящие, летят на сотни шагов.

— Враньё! — отмахнулся старый сержант, но в его голосе не было прежней уверенности. — Страшнее их янычар нет. Чудовища, не люди. Ни страха, ни жалости не знают. Я с ними встречался в бою — они не отступают, даже когда гибнут.

— А я слышал, они пленных на ритуалы свои тёмные пускают, — добавил другой солдат, и его голос сорвался на шёпот. — Души вынимают, чтобы своих колдунов питать. Говорят, там, в их фортах, такое творится, что крики слышны за милю.

Заглоба молча слушал эти разговоры, поглядывая на темнеющий горизонт, где степь сливалась с небом. На второй день пути они достигли перевала, откуда открылся вид на долину. И там, вдали, у слияния двух рек, стоял он — орский форт Карак-Зул. Мрачное сооружение из чёрного камня, которое вонзалось в небо, как коготь. Над ним вился дым, смешиваясь с тучами, и в небе кружили странные, слишком крупные птицы, чьи крики были похожи на плач.

Лагерь разбили на опушке соснового бора, вдалеке от глаз дозорных с орских стен. Воздух наполняли запахи дыма, жареной конины, пота и страха. Солдаты расселись вокруг костров, словно островки в море тревожной темноты. Здесь, в отблесках пламени, особенно ярко было видно, кем была шляхетская армия на самом деле — не героями, а просто людьми, которые боялись и прятали этот страх за грубыми шутками.

Рядом с Заглобой устроился его напарник Мацек, чистящий свою алебарду с методичностью старого службиста. Чуть поодаль молодой рекрут Ясь, сын мельника, с горящими глазами и наивной верой в собственную неуязвимость, которая с каждой минутой таяла. Рядом с ним пристроился сурового вида ветеран с шрамом через глаз — Гжегож, прошедший не одну кампанию, с лицом, которое, казалось, не знало улыбки. Были здесь и представители знати — мелкая шляхта в потрёпанных, но гордых жупанах, и простые крестьяне, призванные по набору, с лицами, выражавшими покорность судьбе и лёгкую оторопь.

— Эх, — вздохнул Ясь, помешивая котелок с похлёбкой, которая пахла луком и чем-то подгоревшим. — Говорят, в орских крепостях золота видимо-невидимо. Награбил бы немного — и можно домой, хозяйство поправлять. Жениться, детишек завести.

— Домой ты, птенчик, в лучшем случае в бочке с солью вернёшься, — мрачно проворчал Гжегож, не отрываясь от заточки своего тесака. Лезвие тихо звенело о камень. — Или вовсе не вернёшься. Орки золото в землю не зарывают. Они его в оружие и стены вкладывают. Их форты — не сокровищницы, а капканы. Они ждут, когда мы придём.

— А я слышал, они людей в свинец превращать умеют! — вставил другой солдат, молодой парень с испуганными глазами. — Колдуны у них, говорят, страшные. Они камни заставляют дышать.

— Всякая нечисть от огня да стали дохнет, — уверенно заявил Мацек, но в его голосе не было прежней уверенности. — Главное — в строю не зевать и верить в то, что делаешь.

Заглоба молча слушал, доедая свой паёк. Его взгляд упал на группу солдат, которые, сбившись в кучку, о чём-то горячо спорили. Один, коренастый рубака с вызывающе выбритым виском и золотой серьгой в ухе, тыкал пальцем в карту, нарисованную углём на куске бересты.

— ...а я тебе говорю, Стефан, старые дороги они не зря забросили! — кипятился рубака, и его голос был полон тревоги. — Говорят, в тех краях теперь и днём пройти страшно. Не то что волки — сама земля ненадёжна стала. Болота, говорят, шевелятся и дышат. А в реках и вовсе...

— Бредни деревенские! — отмахнулся его собеседник, но в его голосе уже не было прежней уверенности. — Ветер в камышах свистит, а ты про шевелящиеся болота. Орская пропаганда, чтобы народ запугать!

— Нет, Владек прав, — неожиданно вмешался третий, пожилой стрелок с арбалетом за спиной, его лицо было бледным в свете костра. — Брат моей жены из-под Белокамени пишет — у них там целая деревня сгинула. Не орки, не бандиты... просто на рассвете туман сошёл, густой, молочный, как молоко. А когда рассеялся — ни домов, ни людей. Только ямы в земле, будто гигантские черви поработали. И дым чёрный над ними стоял.

Тишина вокруг костра стала звенящей. Даже Гжегож перестал точить нож и поднял голову, вглядываясь в темноту за пределами света.

— Выдумки, — всё с тем же скепсисом пробурчал Стефан, но в его голосе уже не было прежней уверенности, он звучал тонко и почти жалобно.

— Может, и выдумки, — тихо сказал Заглоба, привлекая к себе всеобщее внимание. Все смотрели на него — молодого, но не по годам серьёзного шляхтича, в глазах которого горел холодный огонь. — Но я сегодня на дозоре видел... птиц. Над рекой. Большие, слишком большие. И летали как-то... не так. Круги нарезали, будто что-то высматривали. Или ждали. Они не кричали, не каркали — просто молчали и кружили.

— Птицы и есть птицы, — пожал плечами Ясь, но по его лицу пробежала тень беспокойства. — Может, просто стервятники.

— Всякое бывает в мире, — философски заметил Мацек, затягиваясь самокруткой. — Но наше дело — приказ выполнить. А там будь что будет. Трусам и совам под крышей не место.

Разговор постепенно затих, сменившись тягостным молчанием. Солдаты завертывались в плащи, пытаясь хоть как-то согреться и забыться во сне, который не приходил. Но Заглоба ещё долго лежал без сна, глядя на отсветы костров на лицах товарищей, которые казались чужими и далёкими. Он думал о странных птицах, о шепотах про пропавшие деревни и о том, что завтрашний бой может преподнести куда более страшные сюрпризы, чем оркские ятаганы и дисциплинированные фаланги.

Воздух был наполнен не только запахом дыма, но и предчувствием беды, тяжёлой и необъяснимой, словно тишина перед бурей, когда даже ветер замирает, ожидая удара. Где-то там, в темноте, таилась опасность, которую он не мог назвать, но чувствовал всем существом. И завтра они должны были встретиться с ней лицом к лицу.

Глава 2: Карак-Зул

«Война — это не битва храбрых. Это бойня, где первыми умирают мечтатели. И только те, кто готов смотреть в лицо тьме, не отводя взгляда, могут надеяться выжить»
— из дневника неизвестного солдата.

Раннее утро застало армию шляхтичей в полной боевой готовности. Воздух был холодным и влажным, пахнущим росой, дымом и сырой землёй. Солнце, бледное и ещё не набравшее силы, медленно поднималось над горизонтом, окрашивая степь в розовые и золотые тона, которые казались почти насмешливыми — слишком красивыми для того дня, который предстоял.

Гетман Орлик, величественный в своих латных доспехах, сияющих на солнце, гарцевал перед строем на вороном жеребце. Его конь, покрытый пеной, танцевал на месте, чувствуя напряжение, которое витало в воздухе. Гетман выхватил меч, и сталь сверкнула, отражая первые лучи света.

— Воины Шляхии! — гремел его голос, разносясь по долине, отражаясь от скал и теряясь в степи. — Сегодня мы покажем этим оркским выродкам, что значит гнев свободного народа! За поруганные поля! За сожжённые деревни! За свободу наших детей! За нашу землю, которую они топчут своими грязными сапогами!

Ответом ему было громовое «Ура!», вырвавшееся из сотен глоток. Звук был мощным, почти оглушительным, но Заглоба, стоявший во второй шеренге запаса, заметил, как голос гетмана слегка дрожал — или это ему показалось? Может быть, это ветер искажал звук? Или страх играл с его разумом? Он сжал древко алебарды и перевёл взгляд на форт.

Карак-Зул был мрачным сооружением из чёрного базальта, который, казалось, вырос из самой скалы. Стены были высокими, с острыми зубцами, на которых уже стояли фигуры лучников и стрельцов. Массивные ворота, обитые железом, блестели в утреннем свете, и десятки бойниц смотрели на долину, как глаза чудовища. Орки за стенами не суетились в панике. Напротив, их движения были выверенными и спокойными — они знали, что делают, и ждали. По зубцам стен методично расставлялись стрелки, их силуэты были чёткими на фоне серого неба. А у главных ворот, на плацу перед фортом, уже выстраивалась дисциплинированная фаланга янычар в характерных стальных кирасах и высоких, островерхих тюрбанах, которые делали их похожими на призраков из старых легенд. Солнце играло на наконечниках их длинных копий, создавая сверкающую стену из стали, которая, казалось, дышала.

— Святые лики... — прошептал рядом Мацек, его голос был полон ужаса. — Да они нас как на параде ждут. Они знали. Они готовились к нам.

— Заткнись, старик, — резко сказал Заглоба, хотя его собственное сердце колотилось где-то в горле. — Не показывай страх. Они его чувствуют.

Первый сигнал к атаке прозвучал как удар грома — низкий, протяжный звук горна, который разнёсся по всей долине, заглушая даже шум ветра. Шляхетские стрелки выдвинулись вперёд, прикрываясь большими павезами, которые они несли перед собой, как щиты. Свист стрел и грохот мушкетов слились в оглушительную симфонию смерти, которая заполнила воздух.

Со стен им отвечали меткими выстрелами оркских лучников и тяжёлыми пулями мушкетов, которые с глухим стуком вонзались в павезы и человеческие тела. В воздухе зазвенело, словно гигантский кузнец вёл свою работу, выковывая судьбы. Заглоба видел, как один из шляхтичей рядом с ним схватился за горло, из которого торчала оркская стрела с перьями цвета крови — красными, как маки. Он упал на колени, захрипел и затих.

— Вперёд! За славу Шляхии! — скомандовал офицер, его голос был хриплым и срывающимся.

Первая волна атакующих с длинными лестницами, тяжёлыми и неудобными, бросилась к стенам. Заглоба, сжимая древко своей алебарды до побеления костяшек, наблюдал, как они бегут под градом стрел, спотыкаясь о камни и трупы. Одни падали, сражённые, другие добирались до стен и начинали карабкаться, их сапоги скользили по мокрому камню. Сверху на них лили кипяток и раскалённое масло, которое шипело и дымилось, сбрасывали камни, которые с глухим стуком разбивали черепа. Через мгновение первые тела полетели вниз с лестниц, ломая конечности и разбиваясь о землю. Крики раненых смешивались с боевыми кличами и грубой, животной руганью. Воздух пах потом, кровью и палёным мясом.

— Чёрт... — прошептал Ясь, стоявший рядом с Заглобой. Лицо юноши было белым как мел, его глаза были расширены от ужаса, и он едва держал своё копьё. — Я не думал, что будет так... они даже не кричат... они просто...

Его слова прервал новый приказ. Вторая волна пошла на штурм. Теперь и их шеренга сдвинулась с места. Звук горна был таким пронзительным, что заложило уши, и Заглоба почувствовал, как его ноги сами начинают двигаться вперёд, повинуясь инстинкту, а не разуму. Заглоба бежал, сжимая алебарду, и мир сузился до двух вещей: спины впереди бегущего солдата и грязи под ногами. Потом в этой грязи появилось что-то красное. Он споткнулся, едва не упал, и понял: это рука. Отрубленная, ещё в рукаве мундира, с зажатым в пальцах оберегом — истёртым, старым, на котором была вырезана молитва. Заглоба перепрыгнул через неё, и тошнота подкатила к горлу, острая и неумолимая.

В ушах стоял не боевой клич, не марш, а сплошной, нечленораздельный рёв — смесь криков, ругани, лязга металла и предсмертных хрипов. Бежать по трупам товарищей было самым ужасным, что довелось испытать Заглобе. Он старался не смотреть вниз, но чувствовал под ногами что-то мягкое и хрустящее — тела, оружие, обломки щитов. Грязь была липкой и тёплой, и в ней утопали сапоги.

Вдруг на одной из башен ударил странный, низкий гонг — не орский боевой рог, не сигнал к атаке, а что-то древнее и зловещее, словно призывающее не из этого мира. Звук был низким, вибрирующим, он проникал в кости и заставлял зубы ныть. И в тот же миг река у подножия форта... закипела. Не от огня, а от чего-то другого, от того, что поднималось из глубин.

Из воды стали подниматься фигуры. Сначала их было немного — несколько сгустков тумана, которые медленно обретали форму. Потом десятки. Потом сотни. Это были не орки, не люди, не звери.

— Мать Восьмерых... — ахнул Мацек, и его голос сорвался на хрип. — Что это? Что это за твари?

Эфирналы. Существа с бледно-голубой, полупрозрачной кожей, покрытой перепонками и светящимися бирюзовыми узорами, которые пульсировали в такт невидимому ритму. Их тела, казалось, были вылеплены из самого тумана и речной воды, а вместо глаз горели точки холодного, белого света, в которых не было ни злобы, ни сострадания — только абсолютное, ледяное безразличие. Они двигались неестественно плавно, словно не шли, а скользили над землёй, не оставляя следов. Вместо оружия их длинные, тонкие пальцы заканчивались когтями из льда и соли, которые поблёскивали в свете утра.

Хаос охватил поле боя мгновенно. Эфирналы не разбирали — орк перед ними или человек, друг или враг. Они набрасывались на всех, их прикосновение замораживало плоть, а тихий, многослойный шепот, исходящий от них, сводил с ума. Шёпот был не на языке, который можно было понять, но в нём слышались обрывки имён, голоса умерших, слова, которые не должны были быть произнесены. Заглоба видел, как оркский янычар замер на месте, покрываясь инеем, его лицо застыло в гримасе ужаса, а затем он рассыпался на тысячи ледяных осколков, которые звякнули о камни, как разбитое стекло.

— Кругом! Сомкнуть строй! — закричал кто-то из офицеров, его голос сорвался на фальцет.

Шеренга Заглобы развернулась, чтобы встретить новую угрозу. Но против эфирналов их копья и алебарды были почти бесполезны — лезвия проходили сквозь туманные тела, не причиняя вреда, лишь нарушая их очертания на мгновение. Холод, исходящий от них, был не физическим — он проникал в душу, заставляя сомневаться в реальности происходящего.

— Огнём! Нужен огонь! — крикнул Заглоба, вспомнив старые байки у костра, которые он слышал от ветеранов. — Они боятся огня!

Но было уже поздно. Эфирналы врезались в их строй, и началась бойня, которая была похожа на кошмар, из которого нельзя проснуться. Воздух наполнился криками ужаса и боли, предсмертными хрипами и звуками, которые невозможно было описать словами. Заглоба отбивался как мог, чувствуя, как леденящий холод исходит от этих существ, как он проникает сквозь доспехи и кожу, заставляя сердце биться медленнее. Он видел, как старый Гжегож замерзает на месте, покрываясь инеем, его глаза, полные ужаса, навсегда застыли в последнем взгляде на мир. Томаш, служивший с ним в одном полку, стоял рядом, рубил эфирнала пополам, но тот просто сливался обратно, как вода, принимая свою прежнюю форму.

Ясь бился рядом. Его лицо, белое как мел, было перекошено ужасом, но он бился, размахивая копьём с отчаянием обречённого. А потом из реки поднялась туманная фигура — выше остальных, более плотная, и в её «глазах» горел не белый, а багровый свет. Заглоба хотел крикнуть предупреждение, но горло перехватило холодом, и слова застряли в груди.

Ясь замер, глядя на эфирнала. Его руки опустились, оружие выпало из пальцев. Существо протянуло к нему руку — медленно, почти нежно, как мать, тянущаяся к ребёнку. Юноша открыл рот в беззвучном крике, но ни звука не вырвалось из его горла. Иней пополз по его лицу, затягивая глаза белой пеленой, покрывая кожу тонкой коркой льда. Когда Ясь рухнул на колени, он уже был не человеком, а ледяной статуей, и секунду спустя она рассыпалась на тысячу ледяных осколков, звякнувших о камень, как разбитое стекло. От Яся осталась только лужа талой воды.

Заглоба закричал. Наконец-то голос прорезался, хриплый и срывающийся. Он замахнулся алебардой на эфирнала, но лезвие прошло сквозь туманную плоть, не встретив сопротивления. Существо повернуло к нему своё лицо — там, где должны быть глаза, горели две ледяные искры, багровые и немигающие. И Заглоба впервые в жизни понял, что такое настоящий, животный ужас. Ужас перед тем, что нельзя убить, перед тем, что не имеет формы и не подчиняется законам мира. Ужас перед тем, что пришло из глубины, которую не должен был знать ни один смертный.

Он отшатнулся, споткнулся о тело и упал на спину, глядя, как эфирнал скользит к нему, медленно, неумолимо. Его рука потянулась к нему, холод исходил от неё волнами. Заглоба зажмурился, ожидая ледяного прикосновения.

И в этот момент он почувствовал удар сзади. Что-то твёрдое и тяжёлое обрушилось на его голову — оглушительный, слепящий удар, от которого мир взорвался болью и белым светом. Удар булавой пришёлся в затылок. Но боль пришла не сразу. Сначала была вспышка — белая, ослепительная, как солнце, взорвавшееся внутри черепа. Потом мир накренился, и Заглоба увидел землю, приближающуюся к лицу с чудовищной скоростью. Грязь, в которую он уткнулся носом, пахла железом и дерьмом, смешанными с кровью и потом. Во рту была кровь, сладкая и тёплая, и он чувствовал её вкус на языке.

Чей-то сапог наступил ему на спину — тяжелый, прижимающий к земле, как жука, который пытается перевернуться. Он попытался вздохнуть, но лёгкие не слушались, и в груди разрасталась боль. Потом сапог убрали, чьи-то руки грубо перевернули его на спину. Над ним стоял орк. Не тот, что ударил — он был огромным, с массивной булавой, всё ещё занесённой для удара, — другой. Он смотрел на Заглобу без злобы, без ненависти, без какого-либо чувства. Как мясник смотрит на тушу, которую предстоит разделать. Его буро-зелёная кожа была покрыта шрамами, глаза были жёлтыми, холодными.

«Живой», — констатировал орк на ломаном языке, и его голос был низким, гортанным, безразличным. Он сплюнул, и плевок упал на лицо Заглобы, обжигая холодом.

Затем тьма.

Сознание возвращалось к нему волнами, как прилив, который то накатывает, то отступает. Сначала только боль — раскалённый шар в виске, пульсирующий в такт сердцу. Потом звуки — скрип колёс, приглушённые стоны, гортанная оркская речь, которая была похожа на скрежет камней. Он лежал на чём-то твёрдом и движущемся. Повозке. Под ним была солома, влажная и пахнущая мочой и кровью.

Он осторожно приоткрыл один глаз. Сумерки. Небо было серым, низким, и в нём кружили те же странные птицы, что он видел у форта. Он был одним из десятков пленных, сложенных в телеги как дрова — их руки были связаны, лица покрыты грязью и запёкшейся кровью. Некоторые были без сознания, другие тихо стонали или бормотали молитвы. Рядом с повозкой шли оркские воины — не янычары в блестящих доспехах, а простые легионеры в практичных кожаных и стальных нагрудниках, с усталыми, безразличными лицами. Их тёмно-зелёная кожа была испачкана грязью и кровью, и они двигались с механической, привычной неторопливостью.

Повозка тряхнула, и боль снова накатила волной, заставляя мир плыть перед глазами. Заглоба закрыл глаза, пытаясь удержать сознание, и перед тем как снова провалиться в беспамятство, он успел подумать, что битва с орками и даже леденящие твари могли быть лишь началом кошмара. Настоящий ужас ждал его впереди, там, куда везли эту телегу с живым грузом — вглубь орских земель, в неизведанное, в сердце тьмы, где его ждали новые страдания, новые испытания и, возможно, смерть.

Но даже сквозь боль и страх, сквозь липкую пелену отчаяния, в его душе теплилась искра — слабая, почти незаметная, но живучая. Искра, которая шептала ему, что он выживет. Что он не умрёт здесь, в этой телеге, среди чужих и мёртвых. Что у него ещё есть цель. И он должен добраться до неё, чего бы это ни стоило.

Глава 3: Плен

«Свобода — это не право, которое даётся при рождении. Это привилегия, которую можно потерять в одно мгновение. И тот, кто никогда не был в цепях, никогда не поймёт, как сладок воздух за пределами клетки»

— из записок неизвестного раба Шумерии.

Сознание возвращалось к Заглобе медленно, как прилив, который то накатывает, то отступает, оставляя после себя лишь боль и пустоту. Сначала он почувствовал боль — раскалённый шар в виске, пульсирующий в такт стуку колёс, отдающийся в каждой кости. Потом до него донеслись звуки: скрип дерева, металлический лязг цепей, приглушённые стоны и гортанная оркская речь, которая звучала как скрежет камней. Он лежал на чём-то твёрдом и холодном, что болезненно тряслось, и каждый толчок отдавался в его голове новой волной боли.

Еле приоткрыв веки, он увидел решётку, за которой проплывало пасмурное небо — серое, низкое, с тучами, которые медленно ползли по нему, как стадо усталых овец. Он был в клетке, установленной на повозке, и железные прутья были холодными на ощупь. Внутри, вплотную друг к другу, сидели и лежали его братья по оружию — грязные, избитые, с пустыми глазами, в которых не было ни надежды, ни страха, только абсолютная, ледяная пустота. Рядом, упираясь в него спиной, сидел тот самый молодой солдат, что стоял с ним у костра накануне битвы. Теперь его лицо было покрыто грязью и подтёками засохшей крови, один глаз заплыл, но в другом ещё теплилась искра осознания, слабая, но живучая.

— Что... что случилось? — прошептал Заглоба, с трудом двигая распухшим языком. Во рту было сухо, и слова давались с трудом.

Солдат медленно повернул голову, и его взгляд встретился с взглядом Заглобы. В нём не было узнавания, только усталость.

— Проиграли... — его голос был хриплым и безжизненным, как шёпот умирающего. — Всё проиграли. Эти твари... из реки... всех порубили. Орки... нас взяли живьём. Выживших.

— Куда нас везут?

— Одним богам известно... — солдат закрыл глаза, и его голова бессильно упала на грудь. — Может, на продажу. Может, на корм тем тварям. Может, ещё хуже.

Заглоба скривился от новой волны боли и снова провалился в забытьё, в котором не было ни снов, ни надежды.

Очнулся он от резкого толчка, который подбросил его на твёрдом полу клетки. Повозка остановилась. Приподнявшись на локте, он увидел, что они находятся перед грандиозными городскими воротами — настоящим чудом архитектуры, которое говорило о силе и богатстве этого места. Это были не просто ворота, а целое укреплённое сооружение: две массивные створки из тёмного, почти чёрного дерева, обитые бронзовыми пластинами с замысловатыми узорами — спиралями, звёздами и геометрическими фигурами, которые были незнакомы Заглобе. По бокам высились две башни из желтоватого песчаника, на которых несли дозор

лучники в лёгких кожаных доспехах и высоких, островерхих тюрбанах. Их лица были скрыты тенями, но их луки были нацелены на повозку.

Город, раскинувшийся за стенами, казался огромным — целый мир, заключённый в каменные объятия. К нему вела мощёная дорога, выложенная ровными плитами, и сбоку виднелась гавань с десятками кораблей — от небольших рыбацких лодок до крупных торговых судов с цветными парусами, которые покачивались на волнах, словно пёстрые птицы.

Орк-конвоир, сидящий на передней повозки, что-то прокричал стражникам на южном гортанном языке. После короткого обмена репликами, ворота со скрипом отворились, открывая проход в город, и повозка въехала внутрь.

Ворота сомкнулись за спиной с глухим стуком, и Заглоба понял: он отрезан от всего, что знал раньше. Улица, по которой их везли, была вымощена камнем, отполированным миллионами ног до зеркального блеска, в котором отражались лица прохожих. По бокам теснились лавки, где торговали всем, что можно представить — и чем нельзя. В одной клетке сидели птицы с оперением всех цветов радуги и кричали человеческими голосами, выкрикивая слова, которые не имели смысла. В другой — существо, похожее на ящерицу размером с собаку, лениво жевало тряпку, и его глаза были полны безразличия. Запахи смешивались в приторный коктейль: жареное мясо с пряностями, пот, цветы, экзотические благовония и что-то сладковато-гнилостное, идущее из сточных канав.

Но больше всего поражали люди. Точнее, не-люди. Иллириец, или эльф, как их называли северяне, в развевающемся плаще из синего шёлка, расшитого серебряными нитями, прошёл так близко от повозки, что Заглоба мог разглядеть тонкую вязь татуировок на его скулах — сложные узоры, которые переливались и двигались, словно живые. Эльф даже не взглянул на рабов, на их грязные лица, на их связанные руки. Для него они были пустым местом, как мебель, как камни на дороге.

Они ехали по широкой улице, и с каждым метром город становился всё более впечатляющим. По обеим сторонам высились здания из белого и бледно-жёлтого камня, с плоскими крышами и аркадами на первых этажах, где торговцы раскладывали свои товары. Над улицами были натянуты полотна ярких тканей, создававшие тень и защищавшие от палящего солнца. Люди в длинных, богато украшенных одеждах из разноцветных шёлков и льна неспешно прогуливались, не обращая внимания на колонну пленных, которая тянулась за повозкой. Заглоба увидел и других существ — высоких, стройных эльфов в развевающихся плащах, коренастых гномов в практичных кожаных дублетах с металлическими застёжками, и даже пару огромных огров, снующих по своим делам, их тяжёлые шаги заставляли землю дрожать. Город был шумным, многолюдным и абсолютно равнодушным к их страданиям.

Повозка свернула на большую площадь, выложенную мозаикой, изображавшей морских чудовищ и корабли, которые бороздили волны. В центре возвышалась деревянная платформа, покрытая красным сукном. Вокруг неё уже толпились потенциальные покупатели — купцы в дорогих кафтанах, ремесленники в простых туниках, знатные горожане с лицами, выражавшими скуку и предвкушение. Орк-конвоир ударил дубинкой по решётке их клетки, заставив всех вздрогнуть, и издал гортанный крик. Дверь открылась, и солдат, стоявших ближе к выходу, начали грубо вытаскивать, хватая за руки и швыряя на землю.

Очередь дошла и до Заглобы. Он вышел, спотыкаясь от слабости, и присоединился к группе пленных, которых уже строили в ряд. Толпа гудела, выкрикивая оценки и шутки на непонятном ему южном языке, но общий смысл был ясен — это был рынок, а они — товар, который можно купить, продать и использовать до полного износа.

Орк начал пересчитывать пленных, тыча толстым пальцем в каждого, его лицо было безразличным. Закончив, он что-то крикнул шумеру, стоявшему у повозки — местному чиновнику или надсмотрщику. Тот был одет в роскошный фиолетовый кафтан, расшитый золотыми нитями, с нашитыми на плечи декоративными металлическими наплечниками, которые сверкали на солнце. На голове красовался традиционный шумерский головной убор — округлый колпак с свисающим вперёд шёлковым шнуром, на котором висела драгоценная подвеска. В руках он держал деревянную планшетку с пергаментом и причудливое перо, которым он что-то быстро записывал.

Перед тем как вывести на помост, их загнали в тесный закуток за платформой, где было душно и темно. Шумер-смотритель, жирный, с пальцами, унизанными перстнями, и масляными глазами, осматривал каждого, как лошадь на ярмарке — безжалостно и деловито. Когда подошла очередь Заглобы, он приказал: «Разденься». Заглоба замешкался, не понимая, и тут же получил удар палкой по пояснице, от которого боль пронзила всё тело. Пришлось раздеться догола под насмешливыми взглядами прохожих, которые собрались посмотреть на унижение пленных.

Шумер обошел его вокруг, тыкая пальцем в мышцы, заставляя открыть рот, чтобы осмотреть зубы, пощупал кости, проверяя, нет ли скрытых травм. «Хорош, — сказал он кому-то невидимому на своём языке, а затем повторил на общем наречии. — Клейма нет, шрамов боевых мало. Зубы целые. Пойдёт по высокой цене». Заглоба стоял, сжав кулаки, и смотрел в стену, на которой висело изображение какого-то древнего бога. Он думал о деде, о сабле, о чести. Всё это осталось там, за воротами, в другом мире. Здесь он был просто мясом.

Шумер поднялся на платформу и, к удивлению Заглобы, заговорил на общем наречии, хотя и с сильным акцентом, который выдавал его происхождение.

— Внимание, рабы! Сейчас вас будут выкупать достойные господа. Выходим вперёд по пять человек! Не стесняйтесь, показывайте свою силу! Кто будет стоять как мешок, того цена будет ниже!

Первыми вытолкнули пятерых солдат из армии гетмана Богдана. Они стояли, потупив взоры, плечи их были сгорблены, и они старались не смотреть в глаза толпе.

— Итак, кто даст за этих бравых солдат тридцать шеленгов? — провозгласил аукционист, и его голос разнёсся над площадью.

— Я дам! — раздался голос из толпы.

— Кто даст больше?

— Я дам за них и ещё пятерых таких же восемьдесят! — прокричал тучный мужчина в одеждах, не уступавших по роскоши королевским, его лицо было красным от напряжения.

— Продано! Десять рабов отправляются на винные поля господина Милдова'ни!

Следующую партию, в которой Заглоба никого не знал, купил здоровенный лысый мужчина с усами и характерным чубом казака — видимо, наёмник или управляющий с какого-нибудь отдалённого поместья. Он осмотрел их с ног до головы и кивнул, довольный покупкой.

Наконец, настала очередь Заглобы и его группы. Они вышли вперёд, и аукционист уже открыл рот, чтобы объявить стартовую цену, как его перебил голос, прозвучавший из первого ряда — тихий, но властный, заставивший всех замолчать.

— Я дам за них всех четыреста шеленгов!

Толпа загудела, и Заглоба посмотрел на того, кто сделал столь щедрое предложение. Это был высокий гуманоид, которого он никогда прежде не видел. Его кожа имела пепельно-серый оттенок и казалась на удивление гладкой, будто отполированный камень, без единого изъяна, а по ней, словно вены, пульсировали красные жилки. Черты лица были резкими, скулы высокими, а глаза... глаза светились тусклым алым светом, как тлеющие угли, в которых не было ни тепла, ни жизни. Он был одет в практичный, но качественный плащ из тёмной, грубой ткани, а его доспехи, если это можно было так назвать, состояли из каких-то хитиновых пластин, искусно сочленённых между собой, которые покрывали его тело, как вторая кожа.

Аукционист на мгновение опешил, но быстро взял себя в руки, его голос дрогнул от неожиданности.

— Продано! Двадцать рабов отправляются к... — он запнулся, — к господину Ло-ашу из... Золомара.

Покупщик, кенерит, лишь кивнул, его горящие глаза бесстрастно скользнули по новоприобретённым рабам, оценивая их, как скот. Орки-конвоиры загалдели и начали подталкивать Заглобу и остальных в сторону, отделяя от основной группы, направляя их к повозке, которая ждала у края площади.

Их не сразу погрузили на корабль. Вместо этого орки загнали их в большой загон, расположенный в портовом районе, где воздух был пропитан запахом рыбы, соли и дёгтя. Это был огороженный высоким частоколом участок земли под открытым небом, где уже томились десятки других рабов — люди разных народов, пара испуганных овнов с дрожащими рогами и даже молодой гоблин, который сидел в углу и тихо плакал. Посередине стояла большая бочка с водой и несколько корыт с какой-то бурдой, которую скупо раздавали раз в день, и от которой пахло прокисшим тестом.

В загоне Заглоба разговорился с пожилым мужчиной с севера, чьё лицо было изрезано морщинами, а глаза — полны мудрости и страха. Тот показал клеймо на плече — странный символ, похожий на вулкан, извергающий чёрный дым.

— Знаешь, что это? — спросил старик, и его голос был тихим, почти шёпотом.

— Нет, — ответил Заглоба, чувствуя, как холодок пробегает по спине.

— Золомар. Страна пепла. Я оттуда сбежал два года назад. Думал, повезло. А вчера меня поймали в порту, когда грузчиком нанялся. Теперь везут обратно. — Он горько усмехнулся,

и в его усмешке было столько боли, что Заглоба невольно сжал кулаки. — Там, парень, ад. Настоящий ад. Не тот, про который попы рассказывают, с чертями и сковородками. Там всё по-настоящему. Люди там гниют заживо. В прямом смысле. Кожа слезает с костей, а они всё ещё живы.

Заглоба хотел расспросить подробнее, но их разогнали надсмотрщики, и старик исчез в толпе. Его слова засели в голове, как заноза, которую не вытащить.

Именно здесь, в этом заточении, Заглоба лучше узнал своих товарищей по несчастью. Рядом с ним оказался тот самый молодой солдат, с которым служили вместе, того, что звали Томаш — парень с юга Шляхии, который мечтал о доме и невесте. Был там и старый, видавший виды сержант по имени Мартин, с лицом, покрытым шрамами, и молчаливый великан Стефан, который почти не говорил, но его присутствие давало чувство защищённости. И братья-близнецы Якуб и Вавжинец из какой-то далёкой деревни — они были неразлучны, как две половины одного целого.

Вечерами, когда спадала дневная жара и солнце начинало клониться к закату, окрашивая небо в багровые тона, они тихо разговаривали, делясь своими страхами и догадками, чтобы хоть как-то отогнать тьму.

— Слыхал я про этих кенеритов, — хрипло прошептал однажды сержант Мартин, когда стража отошла подальше и они остались одни в темноте. — Говорят, живут они в землях, где всё покрыто пеплом, рядом с огнедышащими горами. И работают там рабы до последнего вздоха в шахтах или на каких-то своих странных постройках, которые они возводят.

— А что они строят? — спросил Томаш, дрожа от страха, и его голос был тонким, как у ребёнка.

— Кто их знает. Говорят, храмы своим богам из огня и камня. А может, просто новые крепости, чтобы ещё сильнее укрепиться и захватить новые земли.

— Я слышал другое, — тихо вступил в разговор Якуб, его глаза блестели в темноте. — Мой двоюродный брат плавал на нэкросском корабле. Он говорил, что кенериты в последнее время будто с ума посходили. Роют что-то огромное у подножия своего вулкана. Что-то, что требует тысяч рук. Он сказал, что слышал звуки из-под земли — не грохот, а голоса.

Заглоба молча слушал, и сердце его сжималось от тоски. Он думал о своих родителях, о родной деревне, о простой жизни, которая теперь казалась недостижимой мечтой. Он думал о том, как его мать каждое утро открывала ставни и смотрела на дорогу, надеясь увидеть его на горизонте. И как она будет ждать его всю жизнь, не зная, что он уже никогда не вернётся.

На вторую ночь в загоне произошло событие, всколыхнувшее всех пленных. К их частоколу подошла группа шумерских стражников в блестящих доспехах, ведя за собой закованного в тяжёлые кандалы высокого мужчину в разорванной одежде. Он не выглядел ни солдатом, ни крестьянином. Его лицо было бледным, почти прозрачным, а глаза горели лихорадочным блеском, в котором читалось безумие или откровение.

— Внимание, нечисть! — крикнул один из стражников, обращаясь ко всем рабам. — Этот человек — еретик и лжепророк! Он распространял слухи о «конце времён» и «пробуж-

дении древнего зла»! Он сеял смуту в нашем городе! Пусть его судьба будет уроком для всех вас! Только покорность и труд угодны богам и вашим новым хозяевам!

Стражник пнул пленника, и тот упал на колени, его кандалы звякнули о камни. Еретика избили дубинками на глазах у всех — методично, безжалостно, пока он не перестал издавать звуки. А затем его уволокли в неизвестном направлении, оставив за собой лишь кровавый след на камнях.

Но прежде чем его утащили, пленный успел встретиться взглядом с Заглобой, и в его глазах мелькнула искра узнавания. Он прошептал что-то, что заставило кровь пана Заглобы стынуть в жилах, и эти слова были на понятном языке:

— Они копают себе могилу... и могилу для всех нас... Он просыпается...

Эти слова, сказанные на ломаном, но понятном языке, стали последней каплей. Теперь Заглоба не сомневался — их ждёт не просто тяжёлый труд. Их везут навстречу чему-то гораздо более страшному, чему-то, что нельзя было назвать, но можно было почувствовать — как холод, который проникает в самую душу.

Спустя два дня к загону подошли несколько кенеритов в сопровождении оркской стражи. Их лидер, тот самый Ло-аш, бегло оглядел пленных, его алые глаза будто оценивали скот, взвешивая их на невидимых весах. Он был спокоен и безразличен, как человек, который делал это тысячу раз.

— На погрузку, — коротко бросил он на общем языке. — Шевелитесь. У нас нет времени на ваши молитвы.

Их построили в колонну и погнали по мостовой в сторону причалов, где стояли корабли. На одном из пирсов стоял корабль, непохожий на шумерские или нэкросские суда. Он был меньше, с более округлыми обводами, и его корпус был не из дерева, а из какого-то тёмного, почти чёрного материала, отливающего на солнце как хитин. Паруса были серыми, цвета пепла, и на них не было никаких эмблем. На носу красовалась деревянная фигура, изображающая существо с крыльями летучей мыши и головой, изрыгающей пламя, — чудовище, которое, казалось, смотрело на них пустыми глазницами.

Пан Заглоба, поднимаясь по шаткому трапу на палубу этого странного судна, в последний раз окинул взглядом чуждый город, небо и море, которое простиралось до горизонта. Он не знал, что ждёт его в Золомаре, но слова еретика звучали в его ушах навязчивым эхом, как проклятие: «Он просыпается». И Заглоба с ужасом понимал, что эти слова, возможно, были самой страшной правдой из всех, что он слышал в жизни. И что он, сам того не желая, плывёт прямо в сердце этой тьмы.

Глава 4: Морской Ветер-перемен

«Вождь, который не умеет торговаться, — плохой вождь. Но вождь, который не умеет убивать, — мертвый вождь»

— из наставления Клана Кровавый Клык.

Тот, кто считал ад огненным, никогда не бывал на гребной палубе кенеритского «Пеплохода». Ад был не пламенем — он был влажным, спёртым, липким. Он пах потом, который давно перестал быть соленым и превратился в едкую кислоту, разъедающую кожу. Он пах рвотой — кислой, голодной, желчной, — и страхом, у которого был свой запах: терпкий, металлический, как у старой монеты, зажатой в потной ладони.

Заглобу и остальных рабов загнали в эту преисподнюю, как сельдь в бочку, и приковали за массивные вёсла. Кандалы не снимали даже ночью — лишь переставляли цепь с уключины на железное кольцо, вмурованное в пол, чтобы руки, затекшие до онемения, хотя бы на мгновение опустились. Дни и ночи слились в один бесконечный кошмар без начала и конца. Ритм боцманского барабана — глухой, монотонный, словно стук сердца умирающего зверя, — отдавался болью в изможденных мышцах, в позвонках, в самой глубине черепа. Солёные брызги, просачивающиеся сквозь щели в палубе, смешивались со слезами отчаяния на щеках, и никто не мог сказать, что из этого было горше. И вечный, непроглядный мрак, нарушаемый лишь тусклым, дрожащим светом редких светильников, заправленных вонючим жиром, который горел коптящим, чадящим пламенем, выедающим глаза.

Корабль был устроен с безжалостной эффективностью, свойственной всем творениям Золомара. Верхняя палуба, где царили кенериты, казалась иным миром — миром воздуха и света, до которого отсюда, из этой плавучей могилы, было не дотянуться даже мыслью. Иногда, когда открывался люк — чтобы спустить на верёвках бадью с жидкой баландой или забрать очередное тело, — Заглоба успевал мельком увидеть низко нависающие серые паруса, напряженные ветром, и стройные, молчаливые фигуры стражи. Войны Золомара, личная гвардия Ло-аша, были подобны изваяниям из пепла и обсидиана. Их хитиновые доспехи, казалось, были частью их тел, сросшейся с плотью второй кожей, а горящие в полумраке глаза безразлично скользили по живой поклаже, которую они везли, как скотовод скользит взглядом по стаду, оценивая упитанность. Им помогали наемные моряки — оборванцы и головорезы со всех уголков Этерии, чьи лица были испещрены шрамами, а речи — грубы и полны презрения к «весельным червям». Заглоба запоминал их голоса: хриплые, гортанные, с акцентами, которые он не мог распознать. Они казались ему порождениями того же ада, только по другую сторону решетки.

Однажды ночью, когда барабан смолк и в трюме воцарилась звенящая тишина, нарушаемая лишь скрипом корпуса, стоном дерева и сдавленными всхлипами, сержант Мартин, сидящий на цепи слева, прошептал в темноту. Его голос был сухим, потрескавшимся, но в нем всё ещё жила командирская жилка.

— Держись, пан. Видел, как они наверх таскают тех, кто послабее? Не возвращаются.

Заглоба облизнул пересохшие губы, чувствуя, как соль въелась в тонкую кожу.

— Может, за борт... — хрипло ответил он, с трудом разгибая спину. Каждый позвонок хрустнул, словно сухой сучок.

— Нет. Слишком бережливы эти пепельные дьяволы. — Мартин кашлянул, и в кашле послышалась влажная хрипота. — Слышал, от одного из матросов-людей, пока меня наверх не выводили... Их переводят на верхнюю палубу. Мыть, драить, таскать грузы. Считай, повышение. Только ты, пан, не лезь на глаза. Будь как вода — незаметным.

Заглоба не ответил. Он просто закрыл глаза и попытался представить небо. Но даже в воображении оно было серым.

На пятый день плавания Заглоба окончательно перестал различать день и ночь. Время измерялось порциями баланды — жидкой, отдающей плесенью и рыбой, — и ударами барабана. Рядом с ним гребли двое. Справа — молчаливый орк, которого он запомнил по странному, тяжёлому взгляду. Тот не произнес ни слова за всё это время, но его присутствие было ощутимым, как скала. Орк грёб с каменным лицом, но Заглоба видел, как иногда его жёлтые глаза закатывались, и тогда он продолжал грести уже неосознанно — тело помнило ритм даже тогда, когда сознание отключалось, переходя в тёмное, животное забытье. Слева от Заглобы сидел тощий парень, один из тех, с кем он вместе служил в гарнизоне. Его звали Стефан. Стефану было девятнадцать, и он любил рассказывать о девушке из трактира на окраине, у которой были веснушки и смешная привычка закусывать губу. На пятый день Стефан перестал рассказывать. Он просто грёб, уставившись в одну точку, и Заглоба видел, как его руки, покрытые волдырями и мозолями, двигаются уже отдельно от воли.

Стефан умер на шестой день. Просто уронил голову на весло, не издав ни звука. Надсмотрщик — тощий кенерит с кнутом из кожи морского змея — подошел, пнул тело носком сапога, убедился, что тот не дышит, и жестом приказал выбросить за борт. Двое матросов-людей, с лицами, которые ничего не выражали, отстегнули цепь, схватили Стефана за руки и за ноги, раскачали и швырнули в воду. Тело упало с глухим всплеском, и вода сомкнулась над ним, словно его и не было. Заглоба смотрел, на весь этот ужас, и думал: «Я следующий?». В его груди что-то оборвалось, и на мгновение ему показалось, что он больше не может дышать.

Орк справа перехватил его взгляд. Его желтые глаза встретились с глазами Заглобы, и он едва заметно качнул головой. Нет. Не следующий. Почему — непонятно. Может, потому что Заглоба был крепче. Может, потому что он был нужен. Но этот жест — короткое, почти незаметное движение — почему-то дал сил грести дальше. В нем была какая-то древняя уверенность, не нуждающаяся в словах.

Слова сержанта Мартина оказались пророческими. На рассвете седьмого дня, когда Заглоба уже почти терял сознание от усталости, а его ладони превратились в сплошную кровавую корку, к нему подошел один из наемников-надсмотрщиков — коренастый мужчина с татуировкой якоря на шее. Он наклонился, принюхался, словно пёс, и хрипло сказал:

— Ты, бедолага! Следопытский вид... и руки не крестьянские. Ступай наверх. Капитан велел найти кого пошустрее для работ.

Кандалы с лязгом отстегнули, и Заглоба, пошатываясь, поднялся по шаткому трапу. Каждая ступенька давалась с трудом — ноги, отвыкшие от вертикального положения, тряслись, а в ушах гудела пустота. И вдруг — яркий, пронзительный дневной свет ударил ему в глаза,

заставив зажмуриться от боли. Он вскрикнул, прикрывая лицо ладонями. Слёзы хлынули из глаз — не от слабости, а от света, к которому его глаза отвыкли за дни, проведенные во тьме.

Воздух! Чистый, соленый, морской воздух ударил в легкие, словно хмельной напиток. Заглоба сделал глубокий вдох, и ему показалось, что он впервые за всю свою жизнь дышит по-настоящему. Его заставили взять ведро с водой, щётку и скрести палубу, но для него это было благословением. Он мог дышать. Он мог видеть горизонт — бесконечную линию, где небо встречалось с водой. Он мог чувствовать под ногами не липкие от пота и грязи доски трюма, а твердую, хоть и покатую палубу, пахнущую смолой и солью.

Именно здесь, склонившись над ведром и натирая щеткой доски, он подслушал разговор, изменивший всё. У штурвала стояли Ло-аш и капитан корабля — коренастый, покрытый татуировками нэкросец по имени Вульфгар. Ветер, свежий и порывистый, доносил до Заглобы обрывки фраз, и он, не поднимая головы, замер, превратившись в слух.

— ...не нравится мне этот крюк, Ло-аш, — хмуро говорил капитан, перебирая пальцами набалдашник штурвала. — Обещанный груз должен был ждать в бухте Трёх Скал. А теперь еще и этот визит к Ограм... Это лишние дни. Лишний риск. И мои люди начинают нервничать.

— Капитан, — голос кенерита был холоден и ровен, без единой нотки эмоций, словно он читал вслух свод правил, — ты получишь свою плату. Вождь клана Кровавый Клык должен мне. Долг старый, а их надо возвращать. Он расплатится «живым товаром». Мне нужны сильные руки для шахт. Твоя задача — подойти к их острову и забрать обещанное.

— Огры... — Вульфгар сплюнул за борт. — Ненадежные партнеры. Любят менять условия уже по ходу игры. А если не менять, то просто перегрызают глотки.

— Именно поэтому я здесь, — в голосе Ло-аша впервые послышалось нечто, отдаленно напоминающее усмешку. — Чтобы напомнить об условиях лично. Ты же знаешь, капитан, я умею убеждать.

Сердце Заглобы заколотилось где-то в горле. Остров Огров! Притон пиратов, контрабандистов и отщепенцев со всех концов Этерии. Он слышал о нем в казармах — рассказывали, что там даже стены пропитаны кровью. Значит, у них был шанс, пусть и призрачный, как мираж в пустыне. Любая заминка, любая суматоха, любая искра хаоса могла стать возможностью для побега. Заглоба опустил голову ниже, делая вид, что скребет особо въевшееся пятно, но в его голове уже начали складываться обрывки плана.

В ту ночь, когда Заглобу впервые оставили мыть палубу после заката, он стоял у левого борта и смотрел на звезды. Они здесь, в южных морях, были другими — ярче, крупнее, и складывались в незнакомые созвездия, о которых он не знал ни названий, ни легенд. Одна из звезд, особенно яркая, мигала красным, словно глаз неведомого чудовища. Внизу, в трюме, сотни людей продолжали грести, умирать, сходить с ума. А он стоял здесь, дышал свежим воздухом и смотрел на небо. Чувство вины накрыло с головой, как ледяная волна. Почему он? Почему не Томаш, не тот седой старик с юга, не тысячи других, чьи тела скормили рыбам?

Он сжал перила так, что побелели костяшки. Стыд обжигал изнутри. Но там же, глубже, ворочалось что-то другое — холодное, цепкое, расчетливое. Он выжил. И если он выжил, значит, должен использовать этот шанс до конца. Ради тех, кто не выжил. Ради Стефана.

На следующее утро Заглоба мыл палубу рядом с пожилым матросом-нэкросцем — сутулым, с лицом, усеянное морщинами, как кора старого дуба. Тот жевал табак и, видимо, от скуки решил поболтать с рабом — всё равно не сбежит, а надсмотрщики далеко.

— Слыхал, на Огров пойдем? — сказал он, сплевывая темную жижу за борт. — Гнилое место, скажу я тебе. Там даже пираты — и те боятся в порт заходить без лишнего груза на борту. Груза, которым можно откупиться.

— Почему? — Заглоба старался говорить ровно, не проявляя любопытства. — Я думал, Огры — союзники.

Матрос хрипло рассмеялся, и в смехе послышалось что-то древнее, усталое.

— Союзники? Ха! Огры — это огры. У них нет друзей, только должники и жертвы. А ты думаешь, почему остров так называется? Не потому, что там огры живут. Хотя и они тоже. А потому, что там воздух дрожит, как над костром. Даже в безветренный день. Говорят, под островом что-то есть. Древнее. Очень древнее. Огры его задабривают, людей в жертву приносят. Бросают в черную дыру в центре горы. И оно... оно иногда отвечает. — Он сплюнул снова, на этот раз с отвращением. — Ладно, не твоего ума дело. Работай. И не смотри на меня так, бедолага. Ты не первый и не последний.

Заглоба промолчал, но слова матроса засели в нем, как заноза. Жертвы. Древнее. Черная дыра. Он не знал, правда это или байки, но в этом мире, он готов был поверить во что угодно.

В этот же день, когда солнце находилось в зените и даже ветер, казалось, замер в уважении, на горизонте показался их пункт назначения. Сторожевой на мачте издал пронзительный, похожий на крик чайки, вопль: «Зем-ля-а!»

Остров Огров не был тропическим раем, какими его рисуют в балладах. Это была угрюмая, скалистая громада, встающая из воды подобно спине доисторического чудовища, которое дремало века на дне. Берега представляли собой неприступные утесы, изъеденные пещерами и гротами, похожие на черепа гигантов. Над всем островом висела дымка — смесь морского тумана, дыма от бесчисленных костров и испарений от гниющих водорослей. У подножия скал ютилась главная и, похоже, единственная бухта — гигантская естественная гавань, защищенная от волн двумя каменными клыками, торчащими из воды. Внутри, словно стадо хищных зверей на водопое, теснились десятки кораблей. Одни были похожи на плавучие крепости с ржавыми бортами, пробитыми и залатанными, и рваными парусами, исчерченными заплатами. Другие — на быстрые, хищные бригантины, готовые сорваться с места в любой момент.

Но больше всего поражало не это. На склонах гор, кольцом окружавших бухту, лепились постройки, больше напоминающие огромные свалки, чем жилища разумных существ. Это были нагромождения корабельных обломков, выброшенных штормами корпусов, бревен, кожи, ржавого железа и костей неизвестных животных. Из труб, сколоченных из старых бочек и обрывков металла, валил густой, жирный дым, смешиваясь с туманом. Воздух даже здесь, в открытом море, доносил запах гари, дегтя, жженого мяса и чего-то невыразимо гнилостного — кислого, сладковатого, вызывающего тошноту. Над всем этим хаосом на самом высоком утесе реяло огромное, грубо сшитое из разноцветных шкур знамя с изображением окровавленного крюка на черном фоне.

«Пеплоход» медленно и осторожно начал входить в бухту, лавируя между пиратскими судами. Заглоба, притворяясь усердно работающим, стоя на коленях с тряпкой, впитывал каждую деталь этого оплота хаоса и грубой силы. Он видел, как на одной из шхун стоял ряд прикованных к пушкам людей, явно рабов, с понурыми головами. Видел, как двое огров, споря о чем-то, мерились силой, ломая доски причала. Он чувствовал, как в его душе, почти раздавленной отчаянием, шевельнулась первая за долгое время искра — слабая, но живая, как уголь в золе. Искра надежды на перемены. На то, что хаос этого места можно использовать.

Сходни с «Пеплохода» со скрипом и грохотом опустились на скользкие, покрытые водорослями доски пирса. Началась разгрузка. Заглобу с другими рабами, которые трудились на палубе, заставили выносить из трюма тяжеленные ящики с провизией, тюки с тканями, бочки с пресной водой и ящики с каким-то гремящим металлом. Каждый шаг по шаткому настилу давался с трудом — ноги, отвыкшие от твердой земли, подкашивались, а плечи горели от непривычной тяжести и солнца, которое жгло непривычно сильно.

Порт огров был воплощением контролируемого хаоса. Это не был город в привычном понимании. Скорее, это была гигантская помойка, опоясанная частоколом из затонувших корабельных мачт и огромных, выбеленных временем китовых ребер. Постройки представляли собой наскоро сколоченные из обломков сараи, огромные палатки из промасленных парусов, натянутых на каркасы из костей, и низкие, вкопанные в землю бочки, служившие жилищами для самых нищих. Повсюду, куда ни глянь, валялись горы пустых бутылок с засохшим осадком, кости неведомых существ, ржавое оружие и обрывки парусины. Воздух гудел от громогласной, хриплой огрской речи, перемежаемой матерными криками на десятке наречий, которые Заглоба не мог разобрать.

Заглоба, неся ящик с вяленой рыбой, пахнущей так остро, что у него слезились глаза, жадно впитывал всё вокруг. Он видел, как у открытого причала огры-кораблестроители — трое здоровенных увальней с кузнечными молотами вместо рук — сшибаясь лбами и рыча друг на друга на языке, похожем на скрежет камней, заделывали пробоину в борту пиратской шхуны, заколачивая доски и заливая их черной смолой. Видел, как на импровизированном рынке, прямо на песке, шла бойкая торговля награбленным добром: тут и вейльгардские гобелены с вышитыми рыцарями, и изящные иллирийские кинжалы с рукоятями из кости, и даже пара закованных в цепи нэкросских моряков, которых огр-торговец выкрикивал как «отличных гребцов, почти не сломанных». Сила здесь была единственным законом, и грубая мощь огров — главной валютой, звонкой и кровавой. «Здесь можно затеряться... или умереть, пытаясь», — пронеслось в голове у Заглобы. И он понял, что ему нравится этот выбор больше, чем медленная смерть в трюме.

В центре этой суматохи, у большого склада, сколоченного из корпусов старых лодок и обшитого поверху ржавыми листами железа, Ло-Аш и его гвардейцы вели переговоры с портовым начальником — матерым огром с носом, расплющенным в бесформенную лепешку, вероятно, ударом весла, и золотой серьгой в виде крюка в ухе. Диалог был краток и деловит. Кенерит отдал короткое распоряжение, и его люди, словно муравьи, начали складывать привезенные товары у входа в склад. Огр-наместник, недовольно бурча что-то про «этих тощих попрошаек из пепла», швырнул к ногам Ло-Аша тяжелый, звенящий мешок — судя по звуку, с монетами, — и отрывисто отдал приказ на своем языке. К группе рабов, стоящих на пирсе, подтолкали дюжину новых несчастных — оборванных, испуганных людей с клеймом пиратских кланов на щеках, которые дрожали и озирались по сторонам затравленными зверьками.

Заглоба поставил свой ящик на землю рядом с другими, с трудом разогнул спину и потер затекшую поясницу. В этот момент Ло-Аш обернулся. Его алый взгляд, пронзительный, словно игла, скользнул по Заглобе и остановился на стоявшем рядом Томаше... на другом рабе. На том самом парне, с котором они вместе попали сюда. Заглоба вздрогнул.

— Вы двое, — голос кенерита был тих, но резал шум порта, как нож, заставляя даже ближайших огров притихнуть. — Берите вон ту бочку с вином и идите за мной.

Сердце Заглобы на мгновение ушло в пятки. Он и Томаш молча взвалили на плечи тяжеленную дубовую бочку, которая, казалось, весила вдвое больше любого из них. Кряхтя, переругиваясь шепотом от боли, они поплелись за удаляющейся группой кенеритов. Они шли вглубь порта, минуя зловонные переулки, где пьяные огры играли в кости на отрубленные пальцы, — игральные «кости» лежали тут же, грязные, с обломанными ногтями. Они проходили мимо клеток, в которых томились какие-то жалкие, покрытые шерстью существа, похожие на помесь обезьяны и человека, и те скулили, протягивая к проходящим руки.

Наконец, они вышли на небольшую площадку, расчищенную от мусора, где стоял самый большой шатер, который Заглоба видел в своей жизни. Его стены были сшиты из шкур морских зверей — тюленей, китов, а может, и чего-то более страшного, — и украшены выбеленными черепами с рогами, завитыми в спирали.

Один из гвардейцев Ло-Аша скрылся внутри шатра. Через мгновение полог откинулся, и наружу вышел огр, от которого у Заглобы перехватило дыхание. Он был на голову выше своих сородичей, а его широченное тело, покрытое паутиной старых шрамов и ритуальными татуировками, изображающими клыки и молнии, казалось, было высечено из гранита, которому плевать на время. Это был вождь клана «Кровавый Клык», старый должник Ло-Аша, по имени Горгус.

— Ло-Аш, — проревел Горгус, и его голос был похож на скрежет двух валунов, толкаемых ледником. — Приплыл за своим фунтом мяса?

— За шестью фунтами, Горгус, — холодно парировал кенерит, даже не шевельнувшись. — Шесть твоих воинов. Как и договаривались.

— Договор? — огр фыркнул, и слюна брызнула на песок, оставляя темные пятна. — Это было тогда! Сейчас у меня война с кланом «Сломанный Рог»! Каждый тупой огр на счету. Каждый топор важен. Ни одного не дам! Даже самого хромого!

Ло-Аш не моргнул глазом. Его лицо осталось непроницаемым, как пепельная маска.

— Ты получил от Золомара обсидиан для своих топоров — лучший в Этерии — и серу для пороха, который горит даже под водой. Без этого твой клан уже бы гнил на дне моря, а твой череп украшал бы шатер вождя «Сломанного Рога». Долг нужно отдавать. Это аксиома.

— Я передумал! — Горгус сделал шаг вперед. Его тень накрыла Ло-Аша, и на мгновение показалось, что кенерит просто исчез в этой темноте. — Возьми своих тощих рабов, свои бочки и проваливай, пепельная тварь, пока я не решил сделать из тебя новый ковер для своего шатра! Или, может быть, настенный гобелен!

Заглоба замер, бочка задрожала на его плече. Он ожидал взрыва. Он ждал крови. Но Ло-Аш лишь слегка склонил голову набок, как птица, рассматривающая червяка.

— Это твое последнее слово?

— Да! А теперь... — Горгус внезапно взревел — звук был настолько громким, что у Заглобы заложило уши, — и занес свою лапищу, размером с добрую секиру, чтобы обрушить её на голову кенерита.

Но удар не состоялся. Ло-Аш плавно, почти небрежно, словно отмахиваясь от мухи, поднял руку, ладонью к огру. Ни вспышки света, ни громовых раскатов, ни запаха озона. Лишь легкое, едва слышное шипение, похожее на звук раскаленного металла, опущенного в воду. И Горгус застыл на полпути, как вкопанный. Его лицо исказила гримаса невыразимой муки, жилы на шее налились кровью, а из горла вырвался сдавленный, хриплый стон, похожий на вой раненого зверя. Он был полностью парализован, заперт в собственном теле — как узник в каменном мешке.

— Магический паралич, — голос Ло-Аша был все так же спокоен, даже скучлив, словно он объяснял ребенку правила игры. — Очень старый трюк. Он не убьет тебя, Горгус. Он просто оставит тебя здесь стоять. Навсегда. Твои мышцы превратятся в камень. Твои глаза высохнут. Твои соперники из «Сломанного Рога» будут очень рады найти тебя в таком... уязвимом положении. Они придут с ножами, чтобы проверить, правда ли ты всё ещё жив.

В глазах Горгуса, единственной части его тела, еще способной двигаться, плясали чертики ужаса и мольбы. Он мычал, пытаясь что-то выговорить сквозь сведенные судорогой челюсти.

— Я... я... согласен... — наконец, выдохнул он, едва шевеля губами.

Ло-Аш медленно опустил руку. Огр рухнул на колени с глухим стуком, тяжело и хрипло дыша, словно выброшенная на берег рыба.

— Шесть... забери шестерых... — прохрипел он, не поднимая головы.

— Ошибаешься, — поправил его кенерит, подходя на шаг ближе. — Теперь их десять. Цена твоего вероломства. Плюс процент за моральный ущерб. Или ты хочешь снова обрести покой статуи, Горгус? Мне не трудно повторить.

Горгус, не поднимая головы, лишь мотнул ею в знак согласия. Он что-то хрипло крикнул в сторону своего лагеря — несколько гортанных слов, полных горечи и ярости. Вскоре из-за шатра появились десять угрюмых, но покорных огрских бойцов. Они выстроились позади Ло-Аша, молчаливые, как скалы, но в их маленьких глазках горела ненависть. Ненависть, которую они не могли выплеснуть.

— Бочка с вином — тебе и твоей команде, в знак... продолжения нашего сотрудничества, — с легкой, почти невидимой иронией произнес Ло-Аш и, не оглядываясь, пошел обратно к кораблю. Его гвардейцы, Заглоба, Томаш и десять новых огров последовали за ним, как тени.

По пути назад, Заглоба, шедший совсем близко к Ло-Ашу, уловил обрывок тихого разговора кенерита с капитаном Вульфгаром. Они говорили почти шепотом, но ветер доносил слова.

— ...а вино, которое мы оставили, — говорил кенерит, — было отравлено медленнодействующим ядом из пещерных грибов, что растут в глубине Золомара. Смерть наступает не сразу. Сначала — слабость, потом — паралич, потом — судороги. Через неделю они все будут корчиться в агонии. Пусть знают, что долги Золомару нельзя не отдавать. А если кто выживет — они запомнят этот урок надолго.

Вульфгар одобрительно хмыкнул и почесал свою татуированную шею.

— Жестоко, Ло-аш. Но эффективно. Мне это нравится.

Вскоре они были на борту. «Пеплоход» снялся с якоря, и его паруса наполнились ветром, уносящим их прочь от этого гнилого места. Остров Огров медленно таял на горизонте, погружаясь в дымку. Несколько дней плавания прошли в напряженной, гнетущей атмосфере. Новые огры-наемники влились в команду, заняв место на верхней палубе, и своим свирепым видом заставляя даже самых отпетых головорезов-людей сторониться их. Огры не разговаривали с людьми, не смотрели на них, если не было приказа. Они просто стояли у бортов, словно каменные изваяния, и смотрели на воду.

Заглоба, продолжая работать на палубе — теперь его официально назначили «палубным уборщиком», — подслушал разговор двух старых нэкросских моряков. Они сидели у бочки с водой, чистили ножи и говорили вполголоса.

— Чую, старина, скоро увидим Дымящиеся Берега, — хрипло говорил один, смотря на воду, которая становилась все более мутной, серой. — Вон, даже вода меняется. Пахнет пеплом.

— Да, и хорошо, если только дым, — мрачно отвечал второй, понижая голос. — Говорят, в последнее время оттуда доносятся странные гулы, будто сама гора скорбит. Не шум, а так... дрожь. И пепел стал пахнуть горько. Раньше он пах серой, а теперь — чем-то сладким, как гнилое мясо. Не к добру это, старина. Не к добру.

Как-то раз на закате Заглоба, протирая перила, оказался рядом с одним из новых огров. Тот стоял у борта, сцепив свои огромные, покрытые мозолями руки, и молча смотрел на удаляющийся горизонт, где закатное солнце окрашивало воду в цвет запекшейся крови.

— Тяжело покидать свой дом? — рискнул спросить Заглоба, понимая, что нарушает все правила. Но ему нужно было понять этих существ. Они могли стать ключом или преградой.

Огр медленно повернул к нему свою башнеподобную голову. Его маленькие глазки, глубоко посаженные под надбровными дугами, сверкнули в последних лучах солнца.

— Огры нигде не дома. — Голос огра был низким, рычащим, но в нем не было злобы. Только усталость. — Мы дома там, где можем драться и брать свое. А Ло-Аш... он силен. С сильными не спорят. Сильных — уважают. Или боятся. Разницы нет.

И он снова уставился на воду, давая понять, что разговор окончен. Заглоба кивнул и отошел. Он чувствовал, что в этих словах было больше правды, чем в любых речах.

Наконец, на рассвете третьего дня, когда небо на востоке начало сереть, а звезды — бледнеть, вахтенный на мачте пронзительно крикнул: «Земля!». Все на палубе, от капитана до последнего раба, устремили взгляды вперед.

На горизонте вырастала стена из черного дыма и пепла. По мере приближения проступали очертания берега — негостеприимные, обсидиановые скалы, с которых стекали в море языки застывшей лавы, черные и блестящие, как стекло. Воздух стал густым и едким, пахнущим серой, горячим камнем и чем-то еще — металлическим, горьким, от чего першило в горле. Небо было скрыто плотной пеленой пепла, сквозь которую тускло, словно через сажу, пробивался свет солнца, окрашивая все вокруг в багрово-серые, почти монохромные тона. Из глубины острова, нависая над всем, как гигантский страж, высился вулкан. Из его жерла непрерывно, как дыхание великана, извергался черный дым, который поднимался столбом, а затем расползался в стороны, сливаясь с тучами. У его подножия, в дымной мгле, угадывались странные, угловатые постройки — не дома, не башни, а скорее геометрические сколы, словно вырастающие из самой скалы, отполированные ветром и пеплом.

Заглоба вцепился в перила, не замечая, как дерево впивается в ладони. Это был Золомар. Земля пепла и отчаяния. Конец их пути и, как с ужасом понимал он, чувствуя, как ледяной пот стекает по спине, — возможно, начало чего-то гораздо худшего. Там, где даже воздух был мертвым, он искал надежду. И находил только тишину падающего пепла.

Глава 5: Пепел и Сталь

«Тот, кто смотрит на пепел, не видит пламени. Но тот, кто вдохнул пепел, никогда не забудет огня»

— поговорка золомарских рудокопов.

Воздух Золомара не был похож на обычный. Он был плотным, как бульон, сваренный на костях, и обжигал лёгкие не жаром, а едкой смесью сернистых испарений и мельчайшей вулканической пыли, которая оседала на всём — на скалах, на постройках, на лицах, на ресницах — тонким, унылым слоем серого савана. Каждый вдох напоминал глоток золы. Каждый выдох оставлял на губах горький привкус металла. Небо было невидимо — оно исчезло за плотным, ватным одеялом пепла, из которого временами, без всякого предупреждения, начинался настоящий пеплопад — серые хлопья, кружащиеся в медленном, гипнотическом танце, оседая на плечи и волосы, словно похоронный снег. Солнце пробивалось сквозь эту пелену лишь тусклым багровым пятном, похожим на раскалённый уголь, тонущий в густом дыму, — света от него было ровно столько, чтобы превратить день в вечные сумерки, а тени — в глубокие, чёрные провалы.

Заглоба, ступив на причальную плиту, невольно закашлялся — пыль забила горло, и он почувствовал, как она скрипит на зубах. Он сжал челюсти и заставил себя дышать реже, глубже, привыкая к этой отравленной атмосфере. «Здесь даже воздух — враг», — подумал он, и эта мысль придала ему странного спокойствия. Если всё вокруг враждебно, значит, расслабляться нельзя ни на мгновение.

Порт Золомара был высечен прямо в базальтовых скалах, омываемых мутными, пенными водами, пахнущими тухлыми яйцами и железом. Это не была творческая архитектура — кенериты не строили, они выгрызали пространство для жизни у непокорной земли, как черви прогрызают ходы в гнилом дереве. Причалы представляли собой гигантские, отполированные до зеркального блеска плиты обсидиана, на которые их корабль, «Пеплоход», лёг с глухим стоном, словно уставший зверь, добравшийся до логова. Повсюду стояли краны, собранные из гигантских, хитиновых ребер неведомых существ — чьи-то позвонки служили блоками, а суставы — шарнирами, — переплетённые стальными тросами, которые скрипели и гудели под тяжестью грузов.

Народ Золомара, кенериты, двигался по причалу с молчаливой, отлаженной эффективностью, напоминающей работу муравьёв в разрушенном муравейнике. Заглоба, краем глаза наблюдая за ними, сразу отметил два типа, и это различие засело в его памяти, как заноза. Стражи Пепла были высокими и долговязыми, их пепельно-серая кожа, покрытая сеткой глубоких трещин, напоминала высохшую глину на солончаке. В этих трещинах, особенно на скулах, костяшках и суставах, поблескивали крошечные вкрапления — словно крупинки пирита, вросшие в плоть. Их алые глаза, светящиеся тусклым, угольным жаром, зорко следили за разгрузкой, не пропуская ни одного движения. Они были одеты в практичные, плотные одежды из грубой ткани, похожей на мешковину, и доспехи из толстых, тёмных хитиновых пластин, которые напоминали панцирь гигантского жука — сегментированные, с естественными изгибами, они сидели на кенеритах как вторая кожа.

Второй тип, Корнеходы, был менее заметен и куда более жуток. Они держались в тени арок и переходов, ведущих вглубь скал, — их бледная, почти сизая кожа с тонкой, частой сет-

кой трещин испускала приглушённое синее или фиолетовое свечение, особенно в полумраке. Их глаза, большие и широко распахнутые, с огромными зрачками, были адаптированы к вечному полумраку подземных чертогов — в них не было алого огня, только глубокая, бездонная чернота, в которой тонул свет. Их одежды, сотканные из странной, волокнистой грибной ткани, переливались перламутром, а хитиновая броня была ажурной, лёгкой, словно сплетённой из паутины. Они двигались бесшумно, почти скользя, и Заглоба поймал себя на мысли, что Корнеходы вызывают в нём не страх, а первобытное отвращение — как прикосновение к чему-то холодному и влажному.

Разгрузкой руководили гоблины-надзиратели — низкорослые, суетливые существа с серой, морщинистой кожей и большими, выпуклыми глазами, делающими их похожими на встревоженных жаб. Они были одеты в пёстрые лохмотья и вооружены длинными, гибкими прутьями. Их визгливые, резкие команды резали воздух, и они носились между рабами, как взбесившиеся крысы.

— Двигайтесь, шелудивые черви! Быстро! Живее! — кричал один из них, щёлкая прутом по спинам замешкавшихся. — Стройся в колонны! Не задерживай великого господина Ло-Аша! Он не любит ждать!

Рабов — измождённых, грязных, с пустыми глазами — построили в колонну по три и повели от причала вглубь острова. Заглоба оказался во втором ряду, рядом с Томашем, который всё ещё дрожал, но хотя бы шёл на своих ногах. Сержант Мартин, старый вояка, держался позади, но его взгляд был острым, как лезвие, — он впитывал каждую деталь, каждую трещину в стенах, каждый поворот.

Дорога шла по искусственно выдолбленному в скале ущелью. Стены его были прорезаны террасами, на которых ютились жилища кенеритов — не дома, а скорее пещеры с заложенными каменными блоками входами, над которыми висели занавеси из той же грибной ткани, колышущиеся от сквозняков. Кое-где из проходов доносился приглушённый гул — работали какие-то механизмы, или, может быть, пели сами камни. Повсюду виднелись гигантские, бледные грибы, служившие, судя по всему, источником пищи, света и материалов. Некоторые из них, высотой с небольшое дерево, образовывали целые рощи, их шляпки излучали сияние — тусклое, зеленовато-голубое, которое заменяло уличное освещение и придавало всему пейзажу болезненный, подводный оттенок. Другие грибы были похожи на огромные купола, под которыми копошились кенериты-Корнеходы, собирая споры или срезая пластины для тканей.

В воздухе, помимо серы и пепла, витал сладковатый, терпкий запах этих грибов — он напоминал запах гниющих фруктов, смешанный с землёй и мёдом, — и ещё чего-то острого, металлического, отчего першило в горле. Запах расплавленного металла и горячего камня. Где-то глубоко под ногами, в недрах вулкана, Заглоба чувствовал едва уловимую дрожь — словно сама гора дышала, медленно и тяжело.

Фауна здесь была столь же суровой, как и пейзаж. Заглоба увидел огромных, размером с крупную собаку, многоножек, снующих между камнями и жадно поедающих пепел — их хитиновые сегменты поблёскивали, а тысячи ножек издавали сухой шелест, похожий на шум дождя. В небе, вернее, в пепельной дымке, кружили создания, похожие на летучих мышей, но с кожистыми крыльями и клювами, как у стервятников, — они издавали пронзительные, скрипучие крики, высматривая падаль. Вдали, на одном из склонов, медленно передвигалось массивное шестиногое существо, покрытое бронированными пластинами, похожее на помесь

жука и носорога, таща за собой гружёную платформу, до краёв наполненную чёрными обсидиановыми глыбами. Его сопровождали несколько кенеритов-Стражей, которые понукали его длинными острыми пиками, и существо согласно ворчало, выпуская из ноздрей струйки пара.

— Смотри, пан, — прошептал Томаш, идущий рядом, его голос дрожал от смеси страха и изумления, — настоящие чудовища... Мы попали в преисподнюю...

— Молчи и смотри под ноги, — буркнул Заглоба, но и сам не мог оторвать глаз от этого негостеприимного, но поразительно живого мира. — И не называй меня паном. Здесь наши титулы — как псу самокрутка.

Томаш прикусил губу и замолчал, но его глаза продолжали метаться по сторонам, впитывая ужас.

Вскоре они достигли края гигантской чаши, врезанной в склон вулкана. Это был карьер «Пасть Дракона» — местные кенериты называли его именно так, и Заглоба понял почему. Он уходил вниз на сотни футов, представляя собой ступенчатые уступы, похожие на гигантскую лестницу, ведущую в самое сердце земли. На этих уступах, как муравьи в разрушенном муравейнике, копошились тысячи рабов — людей, орков, огров, даже несколько эльфов, — все они были покрыты серой пылью, все двигались в одном и том же изнурительном ритме. Воздух здесь дрожал от гула: лязга кирок о камень, скреба лопат по гравию, грохота мелких обвалов и ритмичных ударов огромных, паровых молотов, которые приводились в движение геотермальной энергией через систему шипящих, пульсирующих труб, тянущихся со склонов вулкана. Эти трубы, покрытые ржавчиной и наростами, издавали низкий, монотонный гул, который отдавался в костях и зубах.

Их группу, в которую вошли Заглоба, Томаш, Мартин и ещё около тридцати крепких мужчин, передали начальнику карьера — матерому кенериту-Стражу Пепла с отсутствующим левым ухом и глубоким шрамом через светящийся глаз, отчего тот казался постоянно прищуренным. Его голос, сухой и скрипучий, как несмазанная петля, не выражал ни злобы, ни сочувствия — только абсолютное безразличие.

— Новое мясо для жерновов, — безразлично бросил он, окидывая их взглядом, который не задерживался ни на ком дольше секунды. — Отведите на нижний ярус, к обсидиановой жиле. Пусть долбят, пока не сломаются. Смена — двенадцать часов. Баланда — два раза. Кто умрёт — тот умрёт.

Их спустили по шатким, скрипучим деревянным лестницам — доски были пропитаны мазутом и истёрты тысячами ног, — в самое пекло карьера. Жара становилась невыносимой: с каждой ступенькой вниз температура поднималась на несколько градусов, и воздух становился ещё более густым, ещё более ядовитым. Кожа Заглобы покрылась липким потом, который тут же смешивался с пеплом, превращаясь в серую, едкую грязь. Мышцы ног гудели от напряжения, а в ушах стоял непрерывный звон.

Именно здесь, на самом дне этой каменной преисподней, среди грохота и облаков пыли, Заглоба впервые увидел Казимира.

Овен стоял, прислонившись к стенке забоя, и с холодной, ледяной яростью в глазах наблюдал, как группа рабов — человек десять, все до нитки мокрые от пота, — бестолково

долбила кирками массивный выступ чёрного, вулканического стекла. Казимир был коренаст и мускулист, его тело покрывала густая, курчавая шерсть бурого оттенка, кое-где свалявшаяся от грязи и крови. Его мощные, закрученные рога были испещрены зарубками — летописью былых битв, каждая из которых, наверное, стоила кому-то жизни. Даже в рваной, грязной одежде раба, даже с кандалами на лодыжках он держался с несгибаемым, почти высокомерным достоинством, как загнанный в клетку король.

— Вы неправильно бьёте! — вдруг рявкнул он, его голос, низкий и гортанный, перекрыл шум карьера и заставил ближайших рабов вздрогнуть. — Смотрите на текстуру! Вы против волокна работаете! Обсидиан — это стекло, он колется вдоль трещин, а вы долбите поперёк! Толку — ноль, а риск обвала — высокий! Вы что, хотите, чтобы вас завалило?

Надзиратель-гоблин, который следил за этой группой, зашипел, как рассерженный кот, и замахнулся на овна плетью.

— Молчать, рогатый! Знай своё место! Ты здесь не учитель, ты — раб! Работай и не открывай пасть!

Казимир даже не взглянул на гоблина — он продолжал сверлить взглядом работников, и в его глазах горел такой огонь презрения, что гоблин невольно опустил плеть и отошёл на шаг.

Заглоба в это время уже получил свою кирку — тяжёлое, неудобное орудие с короткой, обмотанной тряпкой рукоятью и зазубренным лезвием. Ему указали на участок скалы рядом с группой Казимира, и он, вздохнув, присоединился к работе. С первых же ударов он понял, что овен был абсолютно прав. Обсидиан был коварен и капризен, как живое существо. Удар, нанесённый неверно, под неправильным углом, отскакивал с противным звоном, лишь высекая скудные, белые искры, и отдавал в руки и плечи ноющей, тупой болью, пронизывающей до костей. Ладони Заглобы, несмотря на грубые рукавицы, быстро стёрлись в кровь — он чувствовал, как влага просачивается сквозь ткань, и каждая новая затяжка киркой отзывалась острой, режущей болью. Пыль забивала нос, горло, глаза, смешиваясь с потом, который ручьями стекал по лицу и спине, оставляя на коже грязные разводы. Это был адский, выматывающий труд, рассчитанный на быстрое истощение и неминуемую гибель — Заглоба видел, как через несколько рядов от него упал раб, просто упал и не встал, и двое других, даже не взглянув на него, потащили тело к краю уступа, чтобы сбросить вниз.

Но Заглоба не мог позволить себе упасть. Он помнил взгляд орка на корабле, помнил слова Ло-Аша. Он выживет.

Внезапно, когда он, собравшись с силами, нанёс особенно сильный удар, раздался тревожный скрежет — тонкий, звенящий звук, похожий на треск льда. Небольшая трещина на стене над рабочими, в том числе и над Заглобой, начала стремительно расширяться, словно паутина, расползающаяся во все стороны. Посыпались мелкие камни, затем — крупные глыбы, с глухим стуком падающие на уступ.

— Назад! Все назад! — скомандовал Казимир, его голос прозвучал как удар колокола, и он уже не обращал внимания на надзирателя. — Отходите к лестнице, быстро!

Рабы в панике отхлынули, бросая инструменты и кидаясь врассыпную. Заглоба, инстинктивно подчиняясь команде, отпрыгнул в сторону, но краем глаза увидел, как молодой Томаш,

работавший рядом, замер в оцепенении, уставившись на нависающую над ним глыбу размером с добрый сундук. Парень просто стоял, раскрыв рот, и не двигался — его парализовал страх.

Не думая ни о чём, кроме мгновенной вспышки — «не дать ему умереть!» — Заглоба рванулся вперёд, схватил Томаша за шиворот рваной рубахи и изо всех сил рванул его на себя. Они вместе повалились на землю, и в тот же миг с места, где только что стоял парень, с грохотом сорвался камень — он упал с такой силой, что раскололся надвое, оставив на полу глубокий след.

Казимир, не колеблясь ни секунды, подскочил к груде деревянных подпорок, сваленных у стенки, схватил одну — толстенную, почти бревно — и с силой, невероятной для его роста и комплекции, поддел ею нависающую плиту, которая угрожала обрушиться целиком. Мышцы овна вздулись, жилы на шее натянулись, но он удержал камень, предотвратив мгновенный обвал.

— Теперь клинья! Сюда и сюда, в трещины, быстро! — он отдавал приказы с такой уверенностью и властностью, что даже гоблин-надзиратель на мгновение опешал, а затем, визгливо выругавшись, сам бросился помогать, таща ящик с клиньями.

Заглоба, оттолкнув трясущегося Томаша к остальным, вскочил на ноги. Адреналин жёг кровь. Он кинулся к куче инструментов, схватил несколько стальных клиньев и кувалду. Он видел, как Казимир указывает места — и он чётко, сконцентрированно, забыв об усталости и боли в руках, вбивал клинья в указанные трещины, каждый удар отзывался резким металлическим звоном. Его руки двигались сами, повинуясь голосу овна.

Их взгляды встретились на секунду, когда опасность миновала, и камень, с глухим стоном, осел на подпорки, зафиксированный клиньями. В глазах Казимира мелькнуло нечто похожее на уважение — короткая, почти незаметная вспышка, но Заглоба её увидел.

Через несколько минут угроза была полностью ликвидирована. Казимир, тяжело дыша, стоял, опершись на подпорку, и вытирал пот с лица тыльной стороной ладони. Его грудь ходила ходуном. Его взгляд встретился с взглядом Заглобы.

— Спасибо, — тихо сказал Заглоба, имея в виду и спасение Томаша, и подсказки по работе. Он говорил искренне, хотя голос его хрипел от пыли. — Если бы не ты, мы бы...

Казимир фыркнул, его ноздри раздулись. Он сплюнул тёмную, с примесью пепла слюну.

— Я не для тебя это делал, человек. — Его голос был резким, как наждак. — Я для себя. Под завалом помереть — не в моих планах. Я слишком долго выживал, чтобы сдохнуть здесь, под дурацким камнем. И перестань бить как девчонка.

И, не дожидаясь ответа, овен отвернулся, но Заглоба заметил, как краешек его рта чуть дрогнул — возможно, в усмешке.

Но в тот вечер, когда измученных рабов загнали в общий барак — огромную, сырую пещеру, насквозь пропахшую потом, серой, грибной похлёбкой и чем-то кислым, от чего так тошнило, — Заглоба заметил, что многие, проходя мимо Казимира, кивали ему с молчаливым уважением. Даже самые угрюмые и измождённые рабы, люди и орки, признавали в нём лидера.

На самого Заглобу тоже смотрели иначе — не как на новичка, а как на человека, который не растерялся в кризисной ситуации, который рискнул жизнью ради другого. Томаш, сидящий рядом, не переставал благодарить его шёпотом, но Заглоба лишь отмахивался. Он понимал, что этот овен — Казимир — не просто грубый силач. Его знания о камне, о работе, его умение командовать были настоящей силой в этом аду, и с ним стоило держаться рядом.

Барак представлял собой низкую, сводчатую пещеру с неровным, влажным полом, на котором валялись соломенные тюфяки, давно превратившиеся в труху. Стены сочились влагой, и кое-где по ним стекали тонкие струйки конденсата, оставляя на камне тёмные разводы. Спали все прямо на камнях или на этих жалких тюфяках, укрываясь кто чем мог — обрывками парусины, собственными грязными куртками. В центре пещеры стояли два больших, почерневших котла, откуда раздавали ту самую похлёбку — мутную, водянистую жидкость с плавающими в ней кусками грибов, отдающую плесенью и серой. Запах от неё был таким, что желудок Заглобы сжимался в узел, но голод был сильнее отвращения.

Именно здесь, у котлов, в очереди за скудным ужином, и произошла вторая встреча, которая оставила в душе Заглобы глубокий след. Очередь внезапно взволновалась — раздался шум, возгласы, звон металла. Двое надзирателей-гоблинов, визжа и размахивая дубинками с железными набалдашниками, избивали высокого, могуче сложенного орка. Это был Громак — тот самый орк, с «Пеплохода», с каменным лицом и жёлтыми глазами, в которых горела холодная, несгибаемая ярость. Его серо-зелёная кожа была покрыта старыми шрамами, а на лице — та самая стоическая неподвижность, которую Заглоба заметил ещё в трюме. Сейчас его руки были закованы в тяжёлые кандалы, и он не мог защищаться.

— Дезертир! Имперское отродье! — визжали гоблины, нанося удар за ударом по его спине и плечам. — Думал, отсидишься здесь, среди червей?! Думал, мы не узнаем?! Ты — позор своего клана, грязный предатель!

Громак молча сносил удары, лишь мышцы на его челюстях напряглись до предела, а в глазах вспыхнула такая ненависть, что гоблины на мгновение отшатнулись, но затем, придя в себя, замахнулись снова. Кровь, тёмная и густая, потекла по его спине, смешиваясь с пылью.

Заглоба, стоящий в очереди, видел это. Он чувствовал, как внутри него поднимается что-то горячее, неконтролируемое — не отвага, а скорее отчаянное, почти животное желание не быть безучастным. Он сам был на грани отчаяния, но вид этого орка, который не издал ни звука, который даже не пытался защититься, но не сломался, задел что-то в его душе. Вспомнился Томаш, который застыл от страха. Вспомнился он сам, на гребной палубе, когда орк качнул ему головой — «не следующий». Может быть, сейчас настал его черёд ответить.

Он, едва держась на ногах от усталости, подошёл к раздаче, получил свою порцию — жидкую, дымящуюся баланду в грязной деревянной миске — и, не раздумывая, нарочно проходя мимо избиваемого орка, незаметным, коротким движением сунул свою миску в его огромную, закованную руку. Горячая жижа плеснулась на пальцы, но Заглоба не обратил на это внимания.

Громак вздрогнул, как от удара. Его глаза медленно повернулись к Заглобе. Ни слова благодарности, ни кивка. Лишь короткий, испепеляющий взгляд, в котором смешались удивление, ярость, недоверие и нечто, отдалённо напоминающее вопрос: «Зачем?». Затем он опустил взгляд на миску, и, игнорируя гоблинов, которые на секунду замерли от такой наглости, принялся жадно есть, двумя пальцами загребая жижу в рот.

Гоблины, опомнившись, зашипели на Заглобу, но тот уже отошёл, смешавшись с толпой. Его сердце колотилось где-то в горле, а руки тряслись — то ли от усталости, то ли от страха, то ли от странного возбуждения.

Через два дня, когда Заглоба уже начал привыкать к адскому ритму карьера, он набрался смелости. В короткий перерыв, когда надзиратели отвлеклись на спор о чём-то, он подошёл к Громаку, который сидел, прислонившись к стене, и смотрел в одну точку.

— Ты дезертир? — спросил он прямо, без предисловий. Его голос звучал тихо, но твёрдо.

Орк медленно повернул к нему голову. Его жёлтые глаза, словно два раскалённых угля, смотрели без всякого выражения — пусто, холодно, но в этой пустоте была такая глубина, что Заглоба поёжился.

— Я воин, — сказал Громак. Его голос был низким, рокочущим, как далёкий гром. — Я служил Империи. Но я отказался убивать детей в захваченной деревне. Для Империи это дезертирство. Для меня — честь. — Он помолчал, и в его глазах мелькнула тень, похожая на боль. — Дети не воюют. Тот, кто убивает детей, — уже не воин. Он — мясник.

Он отвернулся, давая понять, что разговор окончен. Но Заглоба запомнил эти слова. Орк, убивающий детей? Нет, этот не такой. В этом мире, где всё было пропитано жестокостью, где даже воздух был отравлен, этот орк сохранил что-то, что Заглоба считал почти утраченным в себе самом — чувство границы, черты, которую нельзя переступать. И это дало ему странную надежду.

Позже, когда в бараке воцарился тяжёлый, стонающий сон — кто-то всхлипывал во сне, кто-то бредил, кто-то хрипел, — Заглобу разбудили. Двое Стражей Пепла, бесшумные и высокие, выдернули его из груды спящих тел. Их алые глаза, как два уголька, уставились на него без всякого интереса.

— Ты, с киркой. С нами. — Голос одного из них был сухим, как шелест пергамента.

— В чём дело? — попытался возразить Заглоба, его голос сел от страха и усталости. — Я отработал смену...

Но один из стражей грубо толкнул его в спину, и Заглоба, едва не упав, пошёл вперёд.

— Молчи и иди. Господин Ло-Аш хочет тебя видеть.

Значит, кто-то доложил о его действиях во время обвала. Сердце Заглобы учащённо забилось — к добру это или к худу? Он вспомнил, как Ло-Аш смотрел на него на корабле — взглядом колдуна, рассматривающего образец породы. Может быть, он был ценен как инструмент, не более того. Но инструменты тоже можно сломать.

Его повели по лабиринту пещер — вверх, по крутым, вырубленным в скале лестницам, мимо светящихся грибных рощ, мимо закрытых дверей, за которыми слышались странные, механические звуки. Наконец они привели его в помещение, которое резко контрастировало с убожеством барака и грубостью карьера. Это был «проектный цех» — так, по крайней мере, его

называл сопровождающий, хотя Заглоба не был уверен, что это слово вообще существовало в языке кенеритов. Стены здесь были ровными, выглаженными до гладкости, на них висели сложные чертежи, нанесённые на листы бледной, грибной бумаги — линии, углы, схемы насосов, рычагов и каких-то неведомых устройств. В воздухе пахло озоном, горелым металлом и маслом. За столом, заваленным странными механизмами — шестерёнками, трубками, стеклянными колбами, — стоял Зилик. Гоблин-инженер был сосредоточен до полного отрешения от мира, его большие глаза за стеклянными линзами самодельных очков с жадностью впивались в схему какого-то сложного насоса, и он что-то бормотал себе под нос на своём языке. Рядом с ним, неподвижный, как изваяние из пепла, стоял Ло-Аш.

— ...и как видите, магниторотационный компрессор позволит качать расплавленный обсидиан прямо к сердцу Храма, минуя стадию остывания, — тараторил Зилик, с почтительным, даже раболепным трепетом глядя на кенерита. — Но для тонкой настройки механизма в забое нужны не только грубая сила, но и сообразительность. Рабы либо тупы, как пробки, либо быстро умирают от переутомления. Мне нужен кто-то, кто умеет думать. И умеет слушаться.

Ло-Аш молча кивнул, его алые глаза, не мигая, изучали чертеж. Затем его взгляд поднялся и уставился на Заглобу, стоящего в дверях. Взгляд был абсолютно пустым, лишённым всякой эмоции — не злобы, не интереса, не любопытства. Только оценивающая холодность.

— Ты на днях работал с овном. Слушался его команд и действовал быстро. Ты не растерялся при обвале. — Ло-Аш говорил ровно, без интонаций, как диктовал перечень фактов. — Это значит, что у тебя есть навыки, которые я могу использовать. Теперь будешь работать в одной группе с этим овном. Наш инженер Зилик нуждается в помощниках для монтажа механизмов в карьере. Ты будешь доставлен сюда завтра утром. Твоя норма выработки будет повышена — будешь не киркой работать, а головой. Не опозорь выбор. Если овен умрёт — ты умрёшь следом. Если ошибёшься — умрёшь. Если ты проявишь неповиновение — умрёшь. Выбор ясен?

Так вот в чём дело. Его не наказывали, его «повышали», превращая из безымянного тела в винтик сложного механизма. От тяжёлого, убийственного труда к чуть менее тяжёлому, но, возможно, более опасному. И всё потому, что он не растерялся, послушался овна и спас Томаша. Но в этой «милости» было столько же яда, сколько и в любой другой участи.

Зилик, услышав слова Ло-Аша, поднял голову и тоже посмотрел на Заглобу. В глазах гоблина — больших, влажных, с мерцающей радужкой — Заглоба прочёл не злобу, а любопытство и нескрываемый страх. Не перед ним — перед тем, в чьём присутствии он находился. Страх, который делал гоблина почти жалким.

— Да, господин Ло-Аш. Этот сгодится, — пробормотал Зилик, быстро кивая, его пальцы нервно теребили край чертежа. — У него хорошая реакция. Сгодиться.

Заглобу увели обратно в барак, но по дороге, когда они проходили мимо одного из арочных проходов, ведущих к центру острова, он снова увидел, сквозь пелену пепла и дыма, ту самую гигантскую стройку в отдалении. Храм Пробуждения, как его называли. Он рос у самого подножия вулкана, и его очертания — угловатые, неестественные, словно вычерченные безумным геометром, — казалось, бросали вызов самой природе. Это не было зданием в привычном смысле — скорее, сплетением башен, опор, шпилей и каких-то чудовищных арок, тянущихся к небу, как скелетные пальцы. От Храма исходил низкочастотный гул — такой глубокий, что

он не столько слышался, сколько ощущался в костях, в зубах, в самой сердцевине мозга. И из щелей в строительных лесах, из незакрытых проёмов пробивался слабый, багровый свет — пульсирующий, неровный, похожий на сердцебиение огромного зверя.

Заглоба остановился на мгновение, не в силах отвести взгляд. Этот свет, этот гул, этот запах горячего металла и чего-то ещё — древнего, первобытного, — говорили об одном: их привезли сюда не просто для тяжёлого труда. Их привезли служить топливом для чего-то невообразимо чудовищного. Каждый удар кирки, каждый вздох, каждый упавший раб — всё это было частью огромного, страшного механизма.

И теперь Заглоба, сам того не желая, был на шаг ближе к сердцу этого чудовища. Он чувствовал, как холодный пот стекает по спине, и впервые за долгое время — острее, чем отчаяние, — он почувствовал настоящий, липкий страх. Но вместе с ним, глубоко внутри, ворочалось что-то другое: упрямство. «Я выживу, — сказал он себе, отворачиваясь от Храма. — Я выживу, и я узнаю, что здесь происходит. И, может быть, я смогу использовать это знание».

Он шагнул обратно в темноту барака, и тьма сомкнулась над ним, как вода над утопленником. Но в этой тьме ещё теплилась искра — слабая, но живучая, как уголь в золе.

Глава 6: Нерв земли

«Грибница не знает одиночества. Каждый гриб — лишь часть целого, и даже смерть одного становится пищей для другого. Мы не умираем — мы перетекаем в иную форму. Но для тех, кто не понимает этого, наша жизнь — лишь холодная тьма и бесконечный труд»

— из наставлений Корнеходов Золомара.

Обвал в карьере «Пасть Дракона» оказался масштабнее, чем предполагали. На несколько дней нижние ярусы стали смертельной ловушкой, и работы там замерли. Этой паузой воспользовались Корнеходы. Заглоба впервые увидел, как действует их скрытая власть. Без лишнего шума, без приказов Стражей Пепла, группа кенеритов в ажурных доспехах и светящихся одеждах появилась у входа в барак. Их возглавлял худощавый Корнеход с лицом, испещренным тончайшей паутиной синеватых трещин, которые пульсировали мягким светом.

— Рабочие руки требуются на гигантских фермах, — его голос был тихим, почти шепотом, но он резал гул барака, как скальпель. — Следуйте за мной. Попытаетесь сбежать — грибница станет вашим саваном.

Их выстроили и повели не вверх, к серому свету, а вглубь, в зияющую пасть одного из бесчисленных туннелей. Переход из карьера в подземные галереи был шоком. Давящий жар сменился прохладной, влажной атмосферой. Воздух стал тяжелым и густым, пахнущим сыростью, гниющими органическими остатками и тем сладковато-терпким ароматом, который Заглоба уловил еще на поверхности, но здесь он был в разы сильнее.

Свет исходил не от факелов, а от самих стен. Они были покрыты ковром из биолюминесцентных мхов и лишайников, излучавших фантасмагорическое сияние — от нежно-голубого до ядовито-фиолетового. Грибы здесь были не просто большими, они были исполинскими. Их шляпки, размером с колесо телеги, образовывали целые многоярусные леса. Некоторые были похожи на гигантские бледные зонты, другие — на коралловые рифы с сотнями ответвлений, третьи — на толстые, пульсирующие светом трубы. Воздух звенел от тишины, нарушаемой лишь редкими каплями воды и тихим, почти неосязаемым гулом, исходившим от самой земли.

«Это не просто пещеры, — подумал Заглоба, с трудом отводя глаза от открывавшегося вида. — Это другой мир. Живой, дышащий».

Архитектура Корнеходов была их сутью — они не строили, они выращивали и вырезали. Домами им служили гигантские, частично полые грибы-трутовики, в которых были прорублены окна и двери. Мосты через подземные реки и пропасти были сплетены из упругих, живых мицелиальных тяжей, которые пружинили под ногами. Даже мебель в редких видимых интерьерах — столы, стулья, полки — казалась выросшей из пола, а не сделанной руками.

— Смотри не споткнись, поверхностный, — раздался рядом знакомый хриплый голос. Это был Казимир. — У них тут каждый корешок имеет значение. Наступишь не на ту поганку — и твои легкие прорастут спорами к утру.

— Приятное местечко, — мрачно пошутил Заглоба.

— Тише! — резко оборвал их Корнеход-проводник, не оборачиваясь. — Вы здесь гости. Или мусор. Ведите себя соответственно.

Вскоре они вышли на огромную, потрясающую воображение площадку. Это и были те самые гиггантские фермы. Пространство, размером с целое поле, было заставлено бесчисленными рядами грибов всех форм и размеров. Одни, похожие на бледные шары, светились ровным белым светом и, видимо, служили лампами. Другие, гигантские и плоские, были усыпаны съедобными, похожими на вешенку, наростами. Третьи напоминали кусты с ярко-красными, ядовитыми на вид шляпками. За всем этим хозяйством ухаживали десятки Корнеходов. Они двигались медленно и плавно, почти ритуально. Одни срезали созревшие грибы особыми серпами из обсидиана, другие поливали корни из кожаных бурдюков, третьи, приложив руки к основаниям гигантских грибов, словно прислушивались к ним.

— Вот ваша задача, — проводник указал на груду деревянных коробов. — Собирать урожай с желтошляпных. Аккуратно, не повреждая грибницу. Начальник фермы покажет.

«Начальником фермы» оказался не кенерит, а тот самый шумерский еретик, которого Заглоба видел в порту. Он сидел на камне, погруженный в созерцание гигантского гриба, чья шляпка была покрыта сложным узором, напоминающим звездную карту. Его темные глаза, лихорадочно блестящие, были подняты к потолку пещеры, но взгляд был обращен внутрь себя.

— Набу-Анур, — представился он, не глядя на подошедших рабов. Его голос был глухим и разбитым. — Вам поручено собирать «солнечные луковицы». Срезайте у самого основания. Сложите в коробы.

Он сделал паузу и наконец опустил взгляд на Заглобу и Казимира. Его лицо исказила гримаса, не то боли, не то презрения.

— Вы чувствуете это? — прошептал он.

— Чувствуем, что спину ломаем, — буркнул Казимир, беря в руки серп.

— Не это, — Набу-Анур покачал головой. — Земля. Она стонет. Грибница… она в ужасе. Её режут корни того Храма. Они вонзают в плоть планеты сталь и хаос.

Заглоба нахмурился. Он вспомнил гул, исходивший от строящегося Храма.
— О чем ты?

— Они думают, что покоряют стихию, — продолжал маг, не слушая. — Но они лишь роют могилу. Для себя. Для всех нас. То, что они зовут, не спит. Оно… прислушивается.

Первые два дня на ферме Заглоба просто тупил, глядя на грибы. Они были везде — маленькие, большие, светящиеся, мертвые. Корнеходы обращались с ними как с детьми: гладили, шептали что-то, поливали какой-то жижей из кожаных мешков. Один из них, молодой, заметил, что Заглоба смотрит, и вдруг заговорил на ломаном общем:
— Ты думаешь, это просто грибы? Нет. Это мы. Наша память. Наша история. Каждый гриб хранит знание.
— Знание о чем?

— Обо всем. — Корнеход улыбнулся, и его сияющие трещины мигнули ярче. — Но сейчас они плачут. Там, под горой, им больно. Мы все слышим. Но нас никто не слушает.

Внезапно из одного из туннелей донесся шум приглушенных голосов. В пещеру вошла группа. Впереди шли двое Корнеходов в особенно богатых, переливающихся одеждах. А между ними — женщина.

Она была эльфийкой. Высокая, с кожей перламутрового оттенка и волосами цвета черного золота, собранными в строгую косу. Её черты были идеально выверены, словно выточены скульптором, а глаза, заполненные мерцающим изумрудным светом без зрачков, излучали ледяное спокойствие и достоинство. Даже в потрепанной дорожной одежде она выглядела как королева, случайно забредшая в подземелье. Это была Элиана.

— …и я вновь призываю вас одуматься, старейшина, — её голос был мелодичным, но твердым, как сталь. — Этот проект вашего Дома Золг-аш есть не что иное, как самоубийство. Вы нарушаете баланс, который старше вашей расы и моей.

Один из Корнеходов, пожилой кенерит с посохом из переплетенных корней, вздохнул.

— Твои слова падают на благодатную почву, эмиссар Теонны. Но Дом Ми-шаль не воюет с Домом Золг-аш. Мы… ищем компромисс.

— Компромисс с безумием? — Элиана остановилась и повернулась к нему. — Вы чувствуете это лучше меня! Ваша связь с мицелием должна говорить вам правду! Они не просто строят. Они призывают!

В этот момент из другого туннеля показалась знакомая фигура. Ло-Аш. Он шел без стражи, но его одного было достаточно, чтобы воздух в пещере стал еще холоднее. Его алые глаза медленно скользнули по Элиане, потом по старейшине.

— «Ищут компромисс», старейшина Дар-Хол? — голос Ло-Аша был тихим, но он заставил замолчать даже гул фермы. — С чужеземной шпионкой, которая сеет раздор в наших рядах?

— Я — дипломат, — холодно парировала Элиана, поворачиваясь к нему. — И я здесь с посланием моей госпожи, Архонтессы Теонны. Она предлагает вам помощь в обмен на отказ от этого безумного предприятия.

— Нам не нужна помощь тех, кто прячется в своих лесах, боясь собственной тени, — Ло-Аш сделал шаг вперед. — Ваша «помощь» всегда имеет цену. Подчинение. А Золомар никому не подчиняется.

— Вы предпочитаете подчиниться тому, что разорвет ваш мир на части? — её голос впервые дрогнул от гнева. — Вы играете с силами, которые не в состоянии контролировать!

— Контроль — это добродетель слабых, — отрезал Ло-Аш. — Сильные принимают силу, откуда бы она ни пришла. А вы, «дипломат», нарушили наши границы и ведете подрывные речи. — Он повернулся к Стражам Пепла, которые появились в проходе за его спиной. — Взять её. Она представляет угрозу стабильности Золомара.

Корнеход-старейшина, Дар-Хол, поднял руку.
— Ло-Аш, это чрезмерно! Она имеет иммунитет посла!

— На территории Золомара единственный иммунитет — это сила, — не глядя на него, ответил Ло-Аш. Стражи схватили Элиану. Она не сопротивлялась, но её изумрудный взгляд пылал чистым, незамутненным гневом.

— Вы погубите себя и утащите за собой в бездну всех нас! — крикнула она, прежде чем её увели.

Ло-Аш на секунду задержал взгляд на Заглобе и Набу-Ануре, будто оценивая, сколько из их разговора они услышали. Потом развернулся и ушел.

Старейшина Дар-Хол долго смотрел ему вслед, а потом его плечи сгорбились. Он повернулся и медленно побрел вглубь своих владений, его светящиеся трещины на мгновение погасли, словно в знак скорби.

Набу-Анур горько усмехнулся.
— Видите? Глухота. Они не хотят слышать. Ни голос разума, ни стон земли.

Казимир, все это время молча наблюдавший, нахмурил свои мохнатые брови.
— А этот шум… этот гул от Храма. Он становится громче.

— О да, — прошептал Набу-Анур, прикладывая ладонь к земле. — Он становится громче. Потому что он бьется. Сердце хаоса. И оно жаждет вырваться на волю.

Заглоба посмотрел на уводящих Элиану стражей, на сгорбленную спину старейшины, на безумные глаза мага. Он чувствовал это всеми фибрами души: Золомар был не просто тюрьмой. Он был пороховой бочкой, и фитиль уже был подожжен. И они все находились прямо на ней.

Глава 7: Искра заговора

«Отчаяние — плохой союзник, но отличный кузнец. Только на дне, когда некуда падать, человек понимает, что он всё ещё может идти вверх. Или увлечь за собой других»
— из дневников неизвестного раба Золомара.

Их свели вместе в рамках новой «инициативы» Ло-Аша. Как объяснил надзиратель, «повышенная эффективность через целевое распределение ресурсов». На практике это означало, что всех, кто проявил хоть какую-то искру ума, стойкости или просто казался потенциально опасным, согнали на самый гиблый участок работ — прокладку нового туннеля к самому основанию вулкана, туда, где жар плавил подошвы сапог, а воздух был столь густ, что его можно было жевать.

Новый барак для «элитных» рабов был чуть лучше старого — пещера поменьше, с отдельными нишами в стенах и даже парой деревянных нар. Именно здесь, в первый же вечер, и завязался разговор.

Заглоба сидел, растирая в кровь сведенные судорогой пальцы. Рядом, с грохотом отставив свой инструмент, устроился Казимир.

— Ну что, шляхтич, — овен хрипло прокашлялся, выплевывая серую пыль. — Нравится нам карьерный рост? Сначала карьер, теперь туннель. В следующий раз, глядишь, прямо в жерло бросят для пущего эффекта.

— Молчи, рогатый, — из своей ниши прозвучал низкий, глухой голос. Громак сидел, скрестив мощные руки, и смотрел на них своим желтым, не моргающим взглядом. — Стены имеют уши. А уши здесь режут.

— Пусть режут! — Казимир ударил кулаком по каменному полу. — Я не намерен сгореть заживо в этом аду, пока эти пепельные уроды играют с силами, которых не понимают!

Из тени, где сидел Набу-Анур, донесся тихий, насмешливый смешок.
— О, они понимают. Они понимают прекрасно. Они просто считают, что могут их оседлать. Гордыня — вот что ведет их к погибели. И нас за компанию.

В этот момент в пещеру вошла Элиана. Её вели два стража, но не грубо, а с подчеркнутым презрением. Её изумрудные глаза метали молнии, а осанка оставалась безупречной.

— Мои апартаменты, полагаю? — холодно осведомилась она, окидывая взглядом пещеру.

— Добро пожаловать в клуб избранных, леди, — мрачно поклонился Заглоба.

Стражи ушли. Элиана нашла свободную нишу и уселась, стараясь не показывать усталости.

— Они не слушают доводов разума, — тихо, больше для себя, чем для других, произнесла она. — Они одержимы. Как дети, нашедшие боевой заряд и играющие с ним у костра.

— А ваш народ? — спросил Заглоба. — Они слушают доводы разума? Или тоже прячутся в своих лесах, пока мир горит?

Элиана взглянула на него с удивлением, как будто впервые увидела не просто раба, а личность.

— Мой народ… разделен. Одни, как моя госпожа Теонна, верят, что нужно исцелять свои раны. Другие, как её брат Лириан, жаждут силой навязать свой порядок. Но никто из нас не отрицает саму угрозу. А здесь… здесь её культивируют.

— Угроза? — переспросил Казимир. — Ты о чем?

— О том, что они строят, — в разговор снова вступил Набу-Анур. Он подошел ближе, его глаза горели. — Это не храм. Это воронка. Призыв. Они буравят плоть мира, чтобы выпустить древний Хаос. Тот самый, что был до Восьмерых. Я читал об этом в запретных скрижалях Шумера. Они хотят призвать Малакора.

В пещере повисла тяжелая тишина. Даже Громак перестал точить свой клинок и внимательно смотрел на мага.

— Малакор? — переспросил Заглоба. — Это тот… «Разрушитель»? Я думал, это сказки для запугивания детей.

— Все сказки имеют корень в реальности, — парировала Элиана. — И то, что я чувствую исходящее от их стройки… это не просто зло. Это анти-жизнь. Разложение самой реальности.

— Прекрасная история у костра, — проворчал Казимир. — Но что нам с того? Мы рабы. Мы умрем здесь, независимо от того, что они призывают.

— А почему мы должны умереть? — тихо, но четко спросил Заглоба.

Все взгляды устремились на него.

— Что? — не понял Казимир.

— Ты сказал: «Мы умрем здесь». Я спрашиваю: почему мы должны? У нас есть руки, головы. У нас, — он обвел взглядом пещеру, — есть разные навыки. Овен-инженер. Орк-воин. Эльфийка-дипломат. Маг. И я… я неплохо руковожу людьми. Мы сильнее по отдельности?

Громак внезапно издал короткий, похожий на рычание, звук.

— Сила в единстве. Орки это знают. Но здесь нет единства.

— Так давайте создадим его! — Заглоба встал. — Они хотят использовать нас как расходный материал в своем безумии. Я предлагаю послать их ко всем чертям и выжить. Вместе.

— Побег? — Элиана подняла бровь. — Это невозможно. Охрана, рельеф, логистика…

— Возможно всё, — раздался новый голос. В проеме входа стоял Зилик. Гоблин-инженер выглядел нервным и перепуганным. — Просто… не так, как вы думаете.

Все насторожились. Громак неспеша встал, загораживая собой остальных.

— Шпион, — прошипел Казимир.

— Нет! — Зилик отчаянно замотал головой. — Я… я тоже хочу жить. Я видел чертежи. Я знаю, что они делают. И я знаю, что это сработает. Они пробудят его. И тогда мы все умрем. Мне некуда бежать, но… но с вами у меня больше шансов, чем с ними.

Он показал на Громака.
— Ты сильный. — На Казимира. — Ты разбираешься в камне и механике. — На Набу-Анура. — Ты знаешь запретные вещи. — На Элиану. — Ты умеешь говорить. — На Заглобу. — А ты… ты можешь всех нас собрать. Я видел, как ты работаешь в карьере. Я могу помочь. Я знаю схемы вентиляции, распорок. Я знаю, где слабые места.

Заглоба изучающе смотрел на гоблина.
— Почему мы должны тебе доверять?

— Потому что я трус, — честно признался Зилик. — И я очень хочу жить. А вы — моя единственная страховка.

В этот момент снаружи донесся пронзительный, нечеловеческий крик. Затем еще один. Заглушенные крики кенеритов. Звук трескающихся грибов и яростные, шипящие вопли.

— Что это? — встревожилась Элиана.

Набу-Анур прислушался, и его лицо вытянулось.
— Споранги. Они пришли.

Дверь в их барак с грохотом распахнулась. На пороге стоял один из Корнеходов-стражей, его сияющие трещины мигали в тревоге.
— Все на поверхность! Немедленно! Поселение атаковано!

Они высыпали наружу, в главную пещеру поселения. Картина была хаотичной и пугающей. По гигантским грибным стволам карабкались десятки существ. Споранги. Они были невысокими, коренастыми гуманоидами, чья кожа имела текстуру и цвет грибной шляпки — от серо-коричневой до бледно-желтой, с пятнистыми узорами. Их волосы напоминали длинную, свисающую мицелиальную паутину. Они были дики и яростны.

Они не носили оружия в привычном смысле. Они использовали саму природу подземелья. Одни швыряли колючие споровые шишки, которые, лопаясь, выпускали облака удушающей пыльцы. Другие размахивали дубинами, на которые были насажены ядовитые грибы, источавшие едкий черный дым. Третьи просто впивались когтями и зубами в кенеритов, сшибая их с ног.

— Защищайся! — крикнул Заглоба, хватая с земли обломок деревянной балки.

Он увидел, как один из Спорангов, крупнее других, с дубиной, увенчанной вздувшимся грибом, замахнулся на молодого Корнехода, прижатого к стене. Заглоба, не раздумывая, бро-

сился вперед, подставил свою импровизированную дубину. Удар был страшной силы. Древесина треснула, а Заглоба отлетел назад, оглушенный.

Но этого мгновения хватило. Громак, словно из ниоткуда, обрушился на Споранга. Не было никакой техники, лишь грубая, неудержимая мощь. Он схватил существо за руку с дубиной и с хрустом переломил её, затем мощным ударом головы впечатал голову нападавшего в грибной ствол. Существо обмякло.

Рядом Казимир, используя свою кирку, методично отбивался от двух других, ловко подсекая их под ноги и используя их же ядовитые споры против них, заставляя их отступать в облако собственного яда.

Элиана не сражалась, но её голос, звенящий и властный, раздавался над хаосом: «Корнеходы! Ко мне! Сомкните ряды! Не дайте им окружить!». И, к удивлению Заглобы, некоторые кенериты послушно стягивались к ней, образуя подобие оборонительной линии.

Набу-Анур стоял в стороне, его руки чертили в воздухе сложные знаки. Он что-то шептал, и земля под ногами у одного из отрядов Спорангов внезапно превратилась в жидкую грязь, засасывая их по колено и сковывая движения.

Зилик тем временем, дрожа от страха, тем не менее, подтащил к входу в их жилую пещеру тяжелую деревянную балку, создав импровизированную баррикаду.

Атака закончилась так же внезапно, как и началась. Споранги, издав последние шипящие вопли, отступили в темные туннели, утаскивая своих раненых и мертвых.

В пещере воцарилась тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием и стонами раненых. Корнеходы, привыкшие к тишине и порядку, были в шоке от этого вторжения.

Заглоба, с трудом поднимаясь, почувствовал, как сильная рука помогает ему встать. Это был Громак. Орк молча кивнул. В его глазах читалось нечто новое — признание.

Элиана подошла к ним, снимая с платья пыль и споры.

— Они защищали свою территорию. Их грибница повреждена строительством.

— Неважно, — сказал Заглоба, глядя на своих товарищей. — Важно то, что мы только что сделали. Мы сработались. Без приказов. Мы защищали друг друга.

Казимир, тяжело дыша, прислонился к стене.

— Ладно, шляхтич. Допустим, ты прав. Допустим, мы сильнее вместе. Что ты предлагаешь?

Все взгляды снова были прикованы к Заглобе. Даже Зилик смотрел на него с надеждой.

Заглоба глубоко вздохнул.

— Я предлагаю не просто бежать. Я предлагаю выжить. И чтобы выжить, мы должны сделать то, что они делают, но лучше. Мы должны объединиться. Не как рабы, а как союзники. И первое, что мы должны сделать — это помешать их ритуалу. Потому что если они преуспеют, бежать будет некуда.

В темноте пещеры, в свете фосфоресцирующих грибов, шесть пар глаз — человека, овна, орка, эльфийки, гоблина и шумерца — встретились. И в этой тишине, пахнущей дымом, кровью и спорами, родился первый, хрупкий союз.

Глава 8: Огонь веры и ядро сомнений

«Когда боги молчат, а жрецы кричат, слушай не их — слушай землю под ногами. Она всегда говорит правду. Даже если эта правда — предсмертный хрип»
— из записок шумерского беглеца.

Утро в Золомаре начиналось не с солнца, а с гула. Низкий, настойчивый рокот, исходивший от подножия вулкана, будил рабов вернее любого крика надзирателя. Воздух в пещере был густым и спертым, пахшим потом, серой и сладковатым душком грибной похлебки.

— До сих пор не могу поверить, — Томаш, сидя на корточках, растирал ушибленное плечо, глядя на Заглобу. — Эти… споранги. Они выглядели как ожившие грибы. Я один из наших деревень таких не видел никогда.

— И слава Восьмерым, что не видел, — мрачно отозвался сержант Мартин, разламывая свой паек — плотную лепешку из перемолотых грибов. — Мерзкие твари. Говорят, если их спора в легкие попадет, ты сам начинаешь прорастать изнутри.

Заглоба молча жевал свою порцию. Его спина ныла, а в ушах еще стоял тот самый, нечеловеческий шипящий вопль.

— Они не просто напали, — раздался спокойный голос Элианы. Она сидела чуть поодаль, сохраняя невозмутимый вид, несмотря на обстановку. — Они мстили. Чувство территории у них развито не меньше, чем у моих сородичей. Строительство Храма разрушает их среду обитания. Это была ответная месть.

— Месть? — Казимир фыркнул, почесывая рог. — По-моему, они просто голодные дикари. И нам несказанно повезло, что они не решили перекусить нами вместо кенеритов.

Из своей ниши поднялся Громак. Его массивная фигура заслонила тусклый свет светящихся мхов.
— Не дикари. Воины. Видел, как они двигались? Построение, фланги. Слаженно. Глупо их недооценивать.

Это было едва ли не самое длинное предложение, которое орк произнес за все время. Заглоба кивнул.
— Громак прав. Они опасны. И тот факт, что они осмелились напасть на хорошо охраняемое поселение, о многом говорит. Здесь что-то не так. Земля бунтует против кенеритов.

Жизнь рабов в Золомаре была жестко структурирована, как и все, что делали кенериты. Они делились на несколько каст. «Весла» — самые слабые, те, кого оставили на подсобных работах, чистке туалетов, переноске мусора. Их жизнь была короткой и незаметной. «Кирки» — основная масса, работавшая в карьерах и на стройке. Их век был чуть дольше, но измерялся месяцами, а не годами, пока камень, пыль и непосильный труд не делали свое дело. «Инструменты» — те, кого, как Заглобу, Казимира или Зилика, использовали для более тонкой работы. Они жили чуть лучше, их лучше кормили, но и спрос с них был выше, а риск погибнуть при обрушении или из-за ошибки в расчетах — постоянным.

Их день был выверен до минуты. Подъем по гулкому горну. Скудный завтрак. Построение и марш на объект. Десять часов каторжного труда с одним коротким перерывом на ту же похлебку. Затем марш обратно, ужин и отбой. Цикл, повторяющийся изо дня в день. Разрушать тела и души с тотальной эффективностью.

В этот день их группу снова погнали на прокладку туннеля. Работа была адской. Горячий, влажный воздух, насыщенный серой, обжигал легкие. Свет от переносных светильников на основе светящихся спор выхватывал из тьмы лишь крошечный участок забоя. Лязг кирок, скрежет железа о камень, монотонные крики надзирателей.

Во время короткого перерыва они сидели, прислонившись к сырым стенам, заливаясь потом.

— Знаешь, о чем я думаю? — Казимир, облизывая пот с губ, смотрел на гигантскую паровую помпу, откачивающую воду из туннеля. — Эта штука… ее КПД не выше сорока процентов. Конструкция устаревшая. Я бы мог… — он замолчал, поняв, что говорит о улучшении орудия своего же порабощения.

— Мог бы что? — спросил Заглоба.

— Ничего. Забудь.

— Нет, я серьезно. Ты же инженер. Ты видишь все эти механизмы. Ты видишь их слабые места?

Казимир нахмурился, его мохнатые брови сомкнулись.
— Вижу. Вентиляция, например. Их система держится на честном слове. Одна серьезная поломка в главном воздуховоде — и полкарьера задохнется. Но тебе-то что с того?

— Знания — это оружие, — тихо сказала Элиана, сидевшая рядом. — Возможно, единственное, что у нас есть.

— Оружие? — Казимир усмехнулся. — Чтобы что? Устроить диверсию и похоронить себя заживо вместе с ними? Нет уж.

— Иногда, чтобы выжить, нужно рискнуть всем, — раздался голос Набу-Анура. Маг сидел в позе лотоса, его глаза были закрыты. — Стабильность — иллюзия. Особенно здесь. Особенно сейчас.

— Ты опьешься своих пророчеств, шумер, — проворчал Казимир.

— Это не пророчества, — Набу открыл глаза. В них плясали отблески света. — Это математика. Они приближаются к критической точке. Энергетический резонанс от их ритуалов растет в геометрической прогрессии. Скоро чаша переполнится.

Вечером, вернувшись в барак, они застали странную картину. Громак, обычно молчаливый и необщительный, сидел на полу, а вокруг него столпилось несколько молодых рабов, вчерашних крестьян. Орк на куске сланца, используя осколок угля, чертил примитивные схемы и что-то объяснял на своем ломаном языке, перемежая его грубыми жестами.

— …и вот так… контратака. Не лоб в лоб. Удар с фланга. Поняли?
— Так… так нас же в десять раз больше! — робко возразил один из парней.
— Число… не главное. Главное — место. И ярость. Запомнили?

Рассыпались, завидев надзирателя. Громак стер рисунок и снова уставился в стену.

— Обучаешь их? — сев рядом, спросил Заглоба.

Громак медленно повернул к нему голову.
— Мясо. Всего лишь мясо. Но даже мясо можно научить кусаться. На случай.

Заглоба кивнул. Орк был прав. Отчаяние — плохой союзник. А вот гнев, направленный в нужное русло…

Позже, когда большинство рабов уже спало, их шестерка собралась в дальнем углу пещеры.

— Итак, — тихо начал Заглоба. — Мы согласны, что оставаться здесь — смерть?
Кивки. Даже Казимир, после недолгого колебания, мотнул головой.
— Мы согласны, что в одиночку у нас шансов нет?
Снова кивки.
— Значит, мы — союз. Не по приказу, а по необходимости. У нас нет клятв, нет флагов. Только одно правило: свой своего не бросает. Согласны?

— Согласен, — первым, к удивлению всех, ответил Громак.

— Я тоже, — сказала Элиана. — Ради общего выживания.
— Мои расчеты показывают, что это наша оптимальная стратегия, — буркнул Зилик.
— Судьба свела нас для великой цели, — мистически прошептал Набу.
Все взгляды устремились на Казимира. Овен тяжело вздохнул.
— Ладно, черт побери. Но если вы меня подведете, я лично запорю вас насмерть своей киркой. Договорились?

В этот момент снаружи донесся нарастающий шум. Не крики атаки, а ритмичный, хоровой гул. Десятки, сотни голосов, сливающихся в единый мощный поток.

Они вышли из барака. По центральной галерее, ведущей к Храму, двигалась процессия. Воины Дома Золг-аш с зажженными факелами, от которых в сером воздухе стлался черный дым. В центре шли жрецы в более сложных, покрытых руническими письменами доспехах. А перед ними, подгоняемые удадами плетей, шли рабы. Не молодые и крепкие, а старые, больные, те, кого уже сочли «отработанным материалом». Их глаза были пусты, походка — неуверенна.

— Что это? — прошептал Томаш, выглядывая из-за спины Заглобы.

Ло-Аш, стоявший на возвышении у входа в главный туннель к Храму, воздел руку. Гул стих.

— Великий Огонь жаждет подношения! — его голос, усиленный магией или акустикой, гремел под сводами. — Он дарует нам силу, а мы платим ему нашей верой! И нашей плотью! Сегодня мы ублажим его, чтобы завтра он даровал нам победу над самим мирозданием!

Жрецы подхватили крик. Процессия двинулась дальше, к зияющей черной пасти тунеля, ведущего прямо к основанию вулкана, к тому месту, где из расщелины в земле бил багровый свет и исходил тот самый, леденящий душу гул.

Заглоба, сжав кулаки, смотрел, как первых рабов, не оказывающих сопротивления, подводят к раскаленной расщелине. Он ждал криков, воплей ужаса. Но их не было. Была лишь тихая, покорная очередь обреченных.

Первого старика подтолкнули вперед. Его фигура на мгновение заслонила багровый свет, а затем… исчезла. Не сгорела, не упала. Она будто растворилась, поглощенная светом и гулом. Воздух на мгновение затрепетал, и из расщелины на мгновение вырвалась гигантская, многоугольная тень, от которой заложило уши, а в мозгу пронесся шепот, полный такой древней и бездонной злобы, что кровь стыла в жилах.

За этим последовало нечто ужасное. Несколько кенеритов-стражей, стоявших ближе всех к расщелине, вдруг застыли. Их алые глаза помутнели. Один из них издал животный рык и, выхватив меч, обрушился на своего товарища. Двое других, сцепившись, начали рвать друг друга когтями и зубами, словно дикие звери.

Ло-Аш, не моргнув глазом, сделал шаг вперед. Его рука вспыхнула багровым светом, и двое обезумевших стражников, словно по мановению руки, свалились замертво, их тела почернели и начали рассыпаться в пепел. Третий, все еще рыча, бросился на него. Ло-Аш парировал удар голой рукой, и лезвие меча, коснувшись его кожи, сломалось с звуком хрусталя. Затем он схватил обезумевшего стража за шлем и с силой швырнул его в расщелину. Тот исчез так же бесследно, как и рабы.

Наступила мертвая тишина, нарушаемая лишь нарастающим гулом из-под земли. Ло-Аш повернулся к оставшимся стражам, его лицо было невозмутимо.

— Слабые духом — слабы для Новой Эры. Очищение продолжается. Ускорить темп подношений!

Он приказал сбросить в расщелину еще группу рабов. Ритуал продолжался, но теперь в глазах даже некоторых кенеритов читался ужас.

Наша шестерка стояла, не в силах отвести взгляд от этого кошмара.

— Видели? — голос Набу-Анура дрожал, но не от страха, а от ярости. — Это не сила. Это раковая опухоль. Она пожирает их изнутри.

— Они… они не контролируют это, — с ужасом прошептала Элиана. — Они лишь открыли дверь.

— А теперь они бросают в эту дверь мясо, чтобы она не закрылась и не съела их самих, — с ледяным спокойствием констатировал Казимир. — Логика падальщиков.

Заглоба смотрел на Ло-Аша, который с тем же холодным фанатизмом наблюдал за поглощением своих людей и рабов. Он обернулся к своим товарищам. Их лица были бледны, в глазах — отражение увиденного ужаса.

— Теперь вы понимаете? — тихо спросил Заглоба. — Это не просто побег. Мы должны остановить это. Не ради них. Ради всех, кто остался за стенами этого ада. Если эта дверь откроется настежь…

Он не стал договаривать. В этом не было нужды. Шепот из расщелины и искаженные тени говорили сами за себя.

Их хрупкий союз только что прошел первое серьезное испытание. Теперь это был не просто пакт о выживании. Это была тихая декларация войны.

Глава 9: Кровь на пепле

«Война внутри стен всегда страшнее войны снаружи. Ибо враг, который был твоим братом, знает все твои слабости. И он не колеблясь ударит туда, где ты беззащитен»
— из хроник Дома Ми-шаль.

Три дня. Семьдесят два часа. Именно столько прошло с момента «Очищения», но Золомар уже был другим — не просто местом, а живым организмом, истекающим кровью. Воздух, всегда насыщенный серой и пеплом, теперь был пропитан чем-то новым: липким, терпким запахом страха и острой, металлической вонью ярости. Даже привычный гул вулкана, казалось, изменил свою тональность — он стал тревожным, прерывистым, словно сама гора чувствовала разлад, закипающий в её недрах. Трещина между Домами, которую Элиана пыталась залатать словами, теперь зияла, как рваная рана, из которой сочился гной недоверия и вековой вражды.

Заглоба чувствовал это каждой клеткой. Когда он шёл по туннелям, его кожа покрывалась мурашками от напряжения, которое висело в воздухе, как натянутая струна. Кенериты-Стражи, раньше молчаливые и отстранённые, теперь смотрели на Корнеходов с плохо скрываемой ненавистью, и их алые глаза, казалось, горели ярче обычного. Корнеходы, в свою очередь, перешёптывались в углах, их бледные лица с сияющими трещинами выражали тревогу, а движения стали более резкими, нервными. Даже гоблины-надзиратели притихли, словно чуяли, что запахло жареным, и старались не лезть на глаза ни тем, ни другим.

Конфликт вспыхнул не на главной арене, где кипела работа, а в сердце подземелий — в Святилище Мицелия, куда нашу группу перевели для «стабилизации поврежденных участков грибницы». Это было место, которое Заглоба запомнил навсегда: огромный, сводчатый грот, где сходились гигантские, пульсирующие тусклым зелёно-голубым светом корни «Нерва Земли». Они тянулись от стен, сплетались в причудливые арки и уходили глубоко вниз, в трещины пола, создавая ощущение, что ты стоишь внутри живого существа. Воздух здесь был влажным, тёплым и пах сырой землёй, гниющими грибами и странной сладостью, которая щекотала ноздри. Капли конденсата собирались на корнях и падали вниз с тихим, ритмичным звоном, словно само место дышало. Но теперь этот ритм сбился — многие корни почернели, покрылись язвами и бурыми пятнами, а от некоторых исходил резкий, гнилостный запах, перебивающий всё остальное.

Грот напоминал полевой штаб после проигранного сражения. Корнеходы Дома Мишаль, обычно медлительные, созерцательные и молчаливые, теперь метались между грибными колоннами, их сияющие трещины мигали в тревожном, пульсирующем ритме, похожем на учащённое сердцебиение. Они переговаривались на своём шипящем языке, указывая на больные участки грибницы, и в их голосах слышалась паника.

Старейшина Дар-Хол, высокий, сутулый Корнеход с лицом, изрезанным глубокими морщинами, казалось, постарел на века. Его руки, тонкие, с длинными пальцами, дрожали, когда он касался поверхности огромного гриба, чья шляпка, когда-то сиявшая мягким голубым светом, теперь покрылась чёрными, некротическими пятнами, от которых шёл дымок, похожий на испарения гниющей плоти. Он стоял перед ним, как врач перед безнадёжным больным, и его глаза, большие, тёмные, влажные, были полны такой муки, что Заглоба невольно отвёл взгляд.

— Он умирает, — голос старейшины, обычно тихий и ровный, теперь был полон отчаяния, в нём слышались сдавленные ноты, похожие на плач. — Великий Мицелий. Он отравлен. Та энергия, что они высвободили во время «Очищения»... она не просто хаотична. Она антитеза жизни. Она выжигает корни, превращает плоть грибницы в пепел. Это не магия — это яд.

— Мы предупреждали, старейшина, — сказала Элиана, подходя ближе. Её серебристые волосы, всегда аккуратно заплетённые, сейчас были растрёпаны, на лице читалась усталость, но глаза горели решимостью. — Ваш Дом Золг-аш играет с огнём, который сожжёт не только их, но и корни самого Золомара. Эта «эволюция», о которой они говорят, — это самоубийство. Мы должны остановить их, пока не поздно.

— Это не игра! — раздался резкий, холодный голос из входа. В грот вошёл Ло-Аш в сопровождении десятка Стражей Пепла. Он двигался с той же плавной, хищной грацией, но в его алых глазах горел холодный, лихорадочный огонь — не прежнее безразличие, а что-то новое, почти фанатичное. — Это эволюция! — повторил он, вскидывая руку и указывая на больной гриб. — Старейшина, ваш «Нерв Земли» — это пережиток прошлого. Он слаб, он боится перемен, он цепляется за старое, как ребёнок за подол матери. Будущее — за чистотой Хаоса, который сожжёт всё старое и отжившее, чтобы дать место новому, сильному!

— Сожжёт и нас вместе с ним! — Дар-Хол впервые повысил голос на представителя правящего дома. Его плечи распрямились, и в глазах сверкнула искра былой силы. — Ты слеп, Ло-Аш! Ты не видишь, что твои ритуалы убивают землю под нашими ногами? Споранги атакуют с удвоенной силой, грибница гниёт, корни чернеют! Ты разрушаешь дом, который кормил нас веками!

— Споранги — насекомые. Мы их выкурим, как крыс. — Ло-Аш сделал пренебрежительный жест, его голос стал ледяным. — А грибница... — он окинул взглядом больные корни с отвращением, — ...будет заменена на нечто более совершенное. Нечто, что не будет хныкать от каждой царапины. Нечто, что не будет требовать жертв, а будет их принимать.

В этот момент из тени, отбрасываемой одной из грибных колонн, бесшумно выступила третья фигура. Это был Кель-Хан, представитель Дома Ашаар-туул, Слуг Судьбы. Его пепельно-стальная кожа с золотистыми прожилками, похожими на трещины в старой керамике, казалась неестественно нейтральной в этом хаосе. В руках он держал сложный механический счётчик, который тихо щёлкал, выпуская из боковых отверстий тонкие струйки пара. Его лицо было бесстрастным, как маска, а глаза — глубокие, тёмные, без единого проблеска эмоций — смотрели на спорящих так, словно он наблюдал за экспериментом.

— Эмоции — плохой советчик, — его голос был ровным, лишённым интонации, похожим на голос машины. — Старейшина Дар-Хол прав: повреждения экосистемы достигли критического уровня в 74%, и скорость деградации увеличивается на 2.1% каждый час. Ло-Аш также прав: традиционные методы исчерпали свой потенциал. Но ваш путь, Ло-Аш, ведёт к тотальному уничтожению с вероятностью 89.7% в течение следующего цикла. Это неприемлемо.

— Твои проценты ничего не значат, Кель-Хан! — Ло-Аш резко повернулся к нему, его алые глаза вспыхнули ярче. — Силу нельзя измерить в процентах! Ты сидишь в своей башне, считаешь цифры, но ты не знаешь, что такое настоящая власть!

— Ошибаешься. — Кель-Хан поднял счётчик, и тот издал короткий звон. — Всё можно измерить. И я измеряю. И вижу, что твой путь ведёт к нулю. Ко всему нулю. И тогда даже Дом Золг-аш исчезнет, как исчезали другие дома. Мы должны найти иной путь.

— Другого пути нет! — отрезал Ло-Аш. — Есть только вперёд. Или в небытие. Выбирай, Кель-Хан. С нами или против нас?

Напряжение достигло пика. Стражи Пепла, стоящие за спиной Ло-Аша, положили руки на оружие. Корнеходы Дома Ми-шаль, защищая своего старейшину, выступили вперёд, их серпы и посохи были наготове. До открытого столкновения оставался один неверный шаг — один крик, одно движение, одна искра, которая должна была поджечь этот пороховой погреб.

И этот шаг сделали наши герои. Пока кенериты спорили, увлечённые своей политической игрой, они действовали.

Казимир и Зилик, используя суматоху и всеобщее замешательство, незаметно проскользнули в боковой проход, ведущий к ближайшей вентиляционной шахте. Овен двигался с удивительной для его габаритов бесшумностью, а гоблин, пригнувшись, следовал за ним, то и дело оглядываясь. Через несколько минут они оказались в тесном, гудящем от пара коридоре, стены которого были покрыты пульсирующими, горячими трубами.

— Вот, смотри, — Зилик, стоя на цыпочках, тыкал дрожащим пальцем в схему, нарисованную на обрывке грибной бумаги. Его глаза за блестели от напряжения. — Главный распределительный узел геотермальной энергии. Видишь эти клапаны? Отсюда питаются насосы карьера и системы вентиляции Храма. Если мы перекроем их в правильной последовательности...

— И что мы можем сделать? — перебил Казимир, наклонившись и изучая клубок шипящих труб, покрытых ржавчиной и маслянистым налётом. Его рога почти касались низкого потолка. — Мы вдвоём, у нас нет инструментов, только кирки.

— У нас есть голова! — Зилик с досадой стукнул себя по лбу. — Если мы здесь... и здесь... — он провёл пальцем линию на схеме, — ...перекроем клапана, но не все, а вот эти три, то давление в системе начнёт расти лавинообразно. Через пятнадцать минут оно превысит критическую отметку. Они либо остановят работы и пошлют ремонтников, либо...

— ...либо это всё рванёт, — закончил овен с мрачной, почти звериной усмешкой. — И рванёт так, что даже Ло-Аш плясать будет. Хорошо. Очень хорошо. Показывай, где крутить.

И они начали работать. Казимир, несмотря на свою грубую внешность, оказался удивительно ловким и технически грамотным. Он понимал, как работают механизмы, инстинктивно чувствовал, где приложить усилие, а где — просто поддержать. А Зилик, забыв о страхе, превратился в настоящего инженера — его руки двигались быстро и точно, пальцы находили нужные рычаги, и он бормотал себе под нос расчёты, понятные лишь ему одному. Спустя час напряжённой работы, когда оба были покрыты потом и маслом, они затянули последний болт, и гоблин удовлетворённо выдохнул.

— Готово, — прошептал он. — Теперь у нас есть козырь.

В это время Громак и Заглоба работали в главном зале карьера, где рабы, как муравьи, суетились среди обломков обсидиана. Орк, используя свой непререкаемый авторитет, который он завоевал среди рабов своей силой и молчаливым достоинством, организовал «тренировки» — якобы для лучшей координации при отражении атак спорангов. На деле же он создавал костяк сопротивления.

— Не бойся. Гнев — твой друг, — Громак говорил молодому рабу, тощему парню с юга, который дрожал всем телом, сжимая в руках кусок обсидиана вместо кирки. Его голос был низким, рокочущим, как далёкий гром. — Направь его. Вон в тот мешок с пеплом. Представь, что это Ло-Аш. Что это тот, кто убил твоего брата.

— Я... я не могу... — парень зажмурился, его руки тряслись ещё сильнее. — Он... он маг... он убьёт меня...

— Можешь! — рыкнул Громак, и в его голосе прозвучала такая сила, что парень вздрогнул и открыл глаза. — Или ты предпочитаешь, чтобы тебя сбросили в ту расщелину, как остальных? Чтобы твоя мать никогда не узнала, что с тобой случилось? Ты воин! Ты — человек! Встань и покажи им, что ты не скот!

Мотивация сработала. Парень, сжав зубы, с яростью обрушил обсидиан на мешок, и тот лопнул, разбрасывая серую пыль. В его глазах, вместо прежнего ужаса, зажглась искра гнева. Громак одобрительно кивнул и перешёл к следующему. Медленно, но верно отчаяние, висевшее над рабами, начало превращаться в злость — глухую, животную, но направленную. Заглоба, стоящий рядом, чувствовал, как эта злость передаётся и ему. Он тоже сжимал кирку и мысленно перебирал лица тех, кто погиб — Стефан, старик из трюма, сотни безымянных. И каждый раз, когда он вспоминал их, его сердце билось быстрее, а руки сжимались крепче.

Набу-Анур и Элиана тем временем вели свою войну — войну слов и убеждений. Эльфийка, используя всё своё красноречие, вела тонкие, почти хирургические переговоры с Корнеходами. Она говорила с ними на их языке, с уважением касалась их обычаев, и её серебряный голос звучал как музыка среди шума и гари.

— Ваш Дом всегда был голосом разума, — говорила она старейшине Дар-Холу, положив руку на его дрожащее плечо. Её глаза, ясные и проницательные, смотрели прямо в его тёмные, влажные глаза. — Неужели вы позволите фанатикам из Золг-аш уничтожить всё, что вы любите? Всё, что вы защищали веками? Ваши дети, ваши грибные леса, ваш Нерв Земли — всё это превратится в пепел, если вы не остановите их.

— Но что мы можем сделать? — развёл руками старейшина, его голос сорвался на шёпот. — Их воины... их магия... они сильнее. У нас нет армии, только серпы и посохи.

— Магия? — вступал в разговор Набу-Анур, выходя из тени. Его фигура, закутанная в плащ, была почти незаметна, но голос — глубокий, бархатный — заставлял вслушиваться. — То, что они делают — не магия, старейшина. Это варварское вскрытие плоти мира. Я читал ваши древние труды, те, что хранятся в самых глубоких архивах. Ваши предки почитали баланс, они не ломали, а направляли. А что теперь? Они рубят корни, не думая о последствиях!

Он подошёл к больному, умирающему грибу, чьи некротические пятна пульсировали в такт с ударами вулкана, и мягко, почти нежно, коснулся его края.

— Положи руку, старейшина. Чувствуешь? — он взял ладонь Дар-Хола и приложил её к тёплой, влажной поверхности гриба. — Это боль. Не твоя. Его. Земли. Они режут живую плоть, а вы спорите о процентах, о политике, о том, чей дом лучше. Но дом у вас один, и он умирает у вас на глазах.

Старейшина вздрогнул, словно его ударили. Его пальцы сжались, и он медленно отнял руку, глядя на неё с ужасом. В его глазах застыли слёзы — не человеческие, а какие-то густые, сияющие, как расплавленный сапфир.

Их слова падали на благодатную почву. Многие Корнеходы, особенно те, кто был моложе и не так крепко связан с правящим Домом, смотрели на Элиану и Набу с надеждой. В их глазах больше не было только страха — появилась решимость. Они видели в этих чужеземцах не рабов, а союзников, которые понимали их боль.

Кульминация наступила на закате третьего дня — местный закат, который не отличался от остального времени, но в сердцах всех он был отмечен как точка невозврата. Ло-Аш, разгневанный неповиновением Дома Ми-шаль, явился в Святилище с ультиматумом. За ним стояли полсотни Стражей Пепла, их хитиновые доспехи поблёскивали в тусклом свете грибов. Его голос гремел под сводами, заставляя дрожать грибные наросты.

— Старейшина Дар-Хол! Дом Ми-шаль должен предоставить своих шаманов для усиления следующего ритуала. Их связь с землёй нужна, чтобы стабилизировать поток энергии. Это приказ Верховного Совета!

— Никогда! — старейшина встал, его тонкое тело выпрямилось, и светящиеся трещины на его коже вспыхнули ярко-синим, почти белым светом, словно он черпал силы из самой земли. — Я не позволю своим людям участвовать в этом безумии! Мы не станем жертвами вашей гордыни!

— Тогда вы — предатели Золомара! — голос Ло-Аша прогремел, как удар колокола. — Предатели, которые ставят свои старые привычки выше будущего нашего народа! И будете уничтожены, как того требует закон!

Он сделал знак стражам. Те двинулись вперёд, обнажая оружие — длинные, изогнутые клинки из обсидиана, которые светились багровым светом в полумраке. Но в тот же момент из боковых туннелей, словно по команде, вышли Корнеходы. Их было втрое больше, чем стражей. Они не были воинами в привычном смысле — их оружием были серпы для срезания грибов, посохи, заострённые палки, но в их глазах горела решимость, которую не могли сломить никакие клинки.

— Дом Ми-шаль не потерпит насилия в своём святилище! — крикнул один из них, молодой Корнеход с сияющими синим глазами, и его голос подхватили десятки других голосов. — Убирайтесь! Это наш дом!

Завязалась схватка. Не полноценная битва, а жестокая, хаотичная драка в тесном пространстве. Стражи Пепла, привыкшие к дисциплине и открытым пространствам, оказались в невыгодном положении среди грибных колонн, где каждый шаг был опасен, а противники знали каждую трещину в стенах. Корнеходы дрались с фанатичной яростью защитников, и их

светящиеся трещины вспыхивали в такт ударам, создавая жутковатое, пульсирующее освещение.

Наблюдая за этим хаосом, Кель-Хан из Дома Ашаар-туул стоял в стороне, его лицо оставалось бесстрастным, а счётчик в руке тихо щёлкал, отсчитывая секунды. Он повернулся к своему помощнику — такому же бесстрастному Корнеходу с золотистыми прожилками — и холодно констатировал:

— Вероятность успешного завершения проекта «Пробуждение» упала до 12.3%. Вероятность гражданской войны — возросла до 78.9%. Вероятность полного коллапса Золомара — 45.6% и растёт. Наши расчеты были верны. Путь Золг-аш ведёт к разрушению. Эмоции взяли верх над разумом.

— Ваши указания? — спросил помощник, не выражая никаких эмоций.

— Начать операцию «Серая сталь». — Кель-Хан убрал счётчик в складки своего плаща. — Готовить эвакуацию ключевых активов и специалистов. Архивы, чертежи, образцы мицелия. Дом Ашаар-туул выживет. С этими... фанатиками... или без них. Мы не должны погибнуть вместе с ними. Подготовьте транспорт.

Хаос был полным. И именно в этот момент наши герои нанесли свой удар.

Казимир и Зилик, закончив свою работу в вентиляционной шахте, уже возвращались, когда сработала их ловушка. Сначала раздался глухой, басовитый гул, который нарастал, словно огромный зверь просыпался в недрах горы. Затем — пронзительный, визжащий свист, переходящий в оглушительный грохот. В системе вентиляции и энергоснабжения что-то рвануло. Свет в пещерах погас на несколько секунд, погружая всех в кромешную тьму, затем замигал, переходя в агонизирующий, неровный пульс. Гул машин в карьере стих, сменившись пронзительной тишиной, нарушаемой лишь криками и звоном металла. Из глубины туннелей донёсся запах гари и горелого масла, который смешался с серой, создавая удушающий коктейль.

— Что происходит?! — закричал Ло-Аш, отбиваясь от двух Корнеходов, которые набросились на него в темноте. Его голос сорвался на визг. — Вернуть свет! Найти виновных!

— Саботаж! — кто-то крикнул в темноте, и этот крик подхватили десятки голосов. — Это рабы! Это проклятые рабы!

Громак использовал эту паузу. С горсткой самых решительных рабов — человек двадцать, вооружённых обломками кирок и заточенными камнями — он обрушился на оставшихся без командования стражей. Орк двигался как ураган: его руки, сжимавшие кирки превратившиеся в могучие молоты, крушили хитиновые доспехи, а его рёв, похожий на рык раненого медведя, вселял ужас в сердца даже самых закалённых воинов. Рабы, ведомые его примером, дрались с яростью обречённых, и Стражи Пепла, не ожидавшие такого отпора, начали отступать, теряя оружие и бросая раненых.

Заглоба в это время, ориентируясь по звукам и тусклым вспышкам света, пробирался вдоль стен, ища то, что могло пригодиться. Его глаза, привыкшие к темноте после недель в бараках, различали очертания. Он наткнулся на небольшой склад, оставленный без присмотра

— видимо, хозяева сбежали в панике. Там были ящики с инструментами — топоры, кирки, куски стального троса, — несколько мешков с сухим пайком, бурдюки с водой и даже один длинный, окровавленный, но всё ещё острый обсидиановый меч.

— Берите всё, что можете унести! — скомандовал он, когда к нему подбежали несколько рабов. — Еда, вода, оружие! Это наш шанс!

Когда свет снова зажёгся — тусклый, мигающий, едва теплившийся — картина, представшая перед глазами, была иной. Грот превратился в поле битвы. Повсюду лежали тела — и стражей, и Корнеходов, и рабов. Грибы были поломаны, корни обрублены. Ло-Аш, окровавленный, с разорванным плащом, стоял в центре, окружённый тремя уцелевшими стражами. Его алые глаза метали молнии, но в них впервые появилась растерянность.

— Отступаем! — приказал он, и его голос, впервые дрогнувший, прозвучал как приказ к бегству. — К Храму! Соберите всех, кто остался верен!

Но было поздно. Дом Ми-шаль официально восстал. Старейшина Дар-Хол, стоящий на возвышении, поднял свой посох, и его голос прозвучал как древнее пророчество:

— Отныне Дом Золг-аш — враг Золомара! Мы не позволим им разрушить нашу землю! Мы будем защищать Нерв Земли до последней капли крови!

Дом Ашаар-туул начал тайную эвакуацию. Кель-Хан, не прощаясь, уже исчез в одном из боковых туннелей, уводя с собой архивные ящики и группу специалистов.

А группа рабов — наша группа — вооружённая и объединённая общей целью, впервые за всё время чувствовала не страх, а ярость и надежду. Они отступили в заброшенные, давно не используемые туннели, которые вели в старые, забытые части подземелий. Заглоба оглядел своих товарищей. Казимир, закопчённый, но с горящими, победоносными глазами. Громак, с окровавленным топором в руке, который он отнял у павшего стража, и с рваной раной на плече, но не сгибающийся. Элиана и Набу-Анур, собравшие вокруг себя нескольких сочувствующих Корнеходов, которые решили разделить их участь. И Зилик, который, несмотря на дрожь в коленях, с гордостью показывал схему саботажа и рассказывал, как они с овном взорвали систему.

— Мы больше не рабы, — сказал Заглоба, и его слова, произнесённые хриплым, но твёрдым голосом, прозвучали как клятва. — Мы — воля, которую они хотели сломать. Мы — гроза, что обрушится на их головы. И мы будем свободны. Клянусь вам — мы будем свободны.

Он посмотрел на каждого из них, и в его взгляде было то, чего не было раньше: уверенность. Гражданская война в Золомаре началась. И наши герои были её детьми — рождёнными в огне и пепле, закалёнными страданием и готовые сражаться до конца.

Вдалеке, из-за поворота туннеля, донёсся приглушённый гул — Храм Пробуждения продолжал свою жуткую работу, несмотря на хаос. Но теперь Заглоба знал: они не просто жертвы. Они — те, кто может остановить это. И они начнут отсюда.

Глава 10: Призыв Бездны

«Они думали, что призывают силу. Они думали, что смогут её оседлать. Но бездна не служит. Она пожирает. И первыми в её пасти оказываются те, кто открыл ей дверь»
— из последних записей очевидца падения Золомара.

Несколько дней в Золомаре длилась странная, подземная война. Она не имела чётких линий фронта, не подчинялась ни тактике, ни стратегии, а представляла собой хаотические стычки в туннелях, внезапные нападения из вентиляционных шахт и тихие, смертоносные диверсии. Дом Золг-аш, обладая прямой военной силой, пытался подавить восстание Дома Ми-шаль и бунт рабов. Но Корнеходы знали свои пещеры лучше, чем кто-либо, и использовали это знание, устраивая засады и обвалы, заставляя Стражей Пепла проваливаться в ловушки, которых они не видели. Рабы, воодушевлённые первыми успехами и ожесточённые жестокостью подавлений, сражались с отчаянием обречённых, для которых смерть была лучше, чем возвращение в цепи.

Воздух в подземельях стал невыносимым. Пахло гарью, кровью, страхом и всё усиливающимся, сладковато-гнилостным запахом хаотической энергии, исходившим от Храма. Этот запах проникал в лёгкие, оседал на языке, заставляя тошнить даже тех, кто привык к смерти. Сам Храм теперь был похож на нарыв на теле горы — он пульсировал багровым светом, который пробивался сквозь трещины в скалах, а гул из его недр превратился в непрерывный, низкочастотный рев, который сводил с ума, проникая в кости и заставляя зубы ныть. Даже самые стойкие воины Дома Золг-аш начинали сомневаться, глядя на то, что они пробудили.

Именно в этот момент, стоя на одной из верхних смотровых площадок, Ло-Аш принял роковое решение. Его ближайший советник, Страж Пепла с перевязанной головой, из-под повязки которого сочилась чёрная кровь, пытался его образумить. Его голос дрожал, и в нём слышалось не просто беспокойство, а настоящий страх.

— Ло-Аш, мы должны отступить! Стабилизировать ситуацию! Дом Ми-шаль контролирует две трети вентиляционных шахт! Рабы захватили склад провизии и оружейную! Без этого мы не продержимся и недели! Наши воины устали, они не могут сражаться без отдыха!

— Мы ничего не должны! — голос Ло-Аша был подобен скрежету камня, и в нём не было ни капли сомнения. Его алые глаза горели фанатичным огнём, а трещины на его пепельной коже светились кроваво-красным, пульсируя в такт его сердцебиению. — Они думают, что могут остановить ход истории? Своими мотыгами и плебейским гневом? Нет. Мы покажем им, что такое настоящая сила. Мы завершим ритуал. СЕГОДНЯ.

— Но стабилизаторы! — воскликнул советник, его голос сорвался на хрип. — Без шаманов Дома Ми-шаль мы не сможем контролировать поток! Мы не знаем, что произойдёт, если ритуал пойдёт не по плану! Это может уничтожить всех нас!

— Нам не нужен контроль! — Ло-Аш обернулся к нему, и в его взгляде было нечто, заставившее воина отступить на шаг, словно он увидел не своего командира, а нечто иное, более древнее и страшное. — Нам нужно высвобождение. Пусть Хаос вырвется на свободу. Он сметет всех, кто посмел усомниться в нас. Он очистит Золомар от слабых и неверных. А мы... мы станем его первыми жрецами в новом мире. Мы будем теми, кто поведёт его дальше.

Приказ был отдан. Оставшиеся верными Ло-Ашу Стражи Пепла и жрецы Дома Золгаш начали последние приготовления с лихорадочной поспешностью, в которой чувствовалось отчаяние. Они согнали к основанию Храма всех, кого смогли поймать — и рабов, и несколько пленных Корнеходов, — и те стояли, опустив головы, их глаза были пусты, а души сломлены. Это должно было стать самым масштабным подношением за всю историю Золомара.

Наши герои в это время находились в заброшенной обсерватории Корнеходов — пещере с естественными кристаллическими образованиями, которые позволяли видеть главный зал Храма через систему линз и световодов. Это было место, где когда-то наблюдали за звёздами, но теперь оно служило укрытием для тех, кто готовил последний отчаянный шаг. Воздух здесь был прохладным, но даже сквозь стены доносился тот самый гул, который всё нарастал.

— Он совсем спятил, — Казимир, глядя в огромный кристалл-линзу, сжал кулаки так, что побелели костяшки. — Он собирается принести в жертву десятки людей. Без всяких стабилизаторов. Если он это сделает, весь Золомар взлетит на воздух. Или того хуже.

— Он не сумасшедший, — мрачно поправил Набу-Анур, и в его голосе звучала необычная для него серьёзность. — Он фанатик. И он прав в одном — то, что он выпустит, сметет всех. Но не сделает его хозяином положения. Оно просто поглотит его первым, как огонь поглощает того, кто слишком близко подошёл к пламени.

— Мы должны остановить это, — сказала Элиана, и её лицо было бледным, почти прозрачным в тусклом свете кристаллов. В её глазах стоял холодный, стальной огонь. — Мы не можем допустить этого. Если они выпустят Хаос, не будет ничего, что можно было бы спасти. Даже Леса, даже наши дома.

— Как? — прагматично спросил Зилик, дрожа, и его голос срывался от страха. — У нас два десятка человек с кирками против фанатиков с магией! Мы не сможем пробиться к ним! Это самоубийство!

— Не магией, — внезапно сказал Громак, стоявший у входа и прислушивающийся к доносящимся издалека звукам боя. Его лицо было непроницаемым, но в глазах горела холодная решимость. — Дом Ашаар-туул. Они уходят.

Заглоба подошёл к нему, чувствуя, как его сердце начинает биться быстрее.

— Что?

— Слышишь? — Громак прищурился. — Бой стихает. Но не потому, что кто-то победил. Они не отступают. Они... исчезают. Я видел, как они грузят ящики на своих механических повозках. Они бросают Золомар.

— Крысы бегут с тонущего корабля, — проворчал Казимир, но в его голосе не было презрения — только досада.

— Нет, — Заглоба ударил кулаком по стене, и боль от удара пронзила его руку, помогая сосредоточиться. — Это наш шанс! Если они уходят, значит, у них есть путь! Мы должны прорваться к их докам! Это наш единственный выход!

Но было уже поздно. Снаружи, из главного зала Храма, донесся оглушительный гул — не просто грохот, а нечто, от чего содрогнулась сама земля, и по стенам побежали трещины. Ритуал начался.

Они увидели это через кристалл. Ло-Аш стоял на краю раскалённой расщелины, его руки были подняты к небу, а из его рта лились слова на языке, который больно было слышать — слова, которые проникали в мозг и заставляли кровь стынуть в жилах. Жрецы образовали вокруг него круг, их голоса сливались в кошмарный хор, в котором слышались не только живые голоса, но и отголоски давно умерших. А в центре, в багровом свете, метались привязанные жертвы, их крики заглушались гулом ритуала. Первую группу столкнули в расщелину. Потом вторую. Третью.

И тогда реальность затрещала по швам.

Сначала свет померк, словно его поглотила сама тьма. На мгновение воцарилась абсолютная, давящая чернота, в которой не было ни звука, ни движения. А затем из расщелины вырвался столб не света и не пламени, а чего-то иного — чистой, безобразной энергии, которая заставила камень плакать чёрными слезами, а металл — скручиваться в неестественные спирали, как живая плоть. Воздух наполнился звоном разбитого стекла и шёпотом тысяч безумных голосов, которые сливались в один непрерывный, пронзительный вой.

— НЕТ! — крикнул Набу-Анур, и в его голосе слышался ужас, которого никто не слышал в нём раньше. — Он прорвал печати! Он выпустил то, что нельзя было выпускать!

В главном зале начался настоящий ад. Несколько жрецов, стоявших ближе всего к источнику силы, внезапно изменились. У одного кожа превратилась в прозрачный кристалл, и он застыл с гримасой ужаса на лице, его тело стало статуей, которая отражала багровый свет. Другой начал бесконтрольно расти, его кости ломались и срастались заново с хрустом, пока он не превратился в бесформенную массу плоти, издающую булькающие звуки и пытающуюся ползти в разные стороны. Третий просто рассыпался в мелкий, чёрный пепел, который развеял ветер.

Ло-Аш, стоя в эпицентре бури, казалось, был невредим. Его тело было окутано багровым сиянием, которое пульсировало в такт его сердцу, и он смеялся — высоким, истеричным смехом, в котором не было ничего человеческого, только торжество безумца, увидевшего, что его безумие стало реальностью.

— ДА! ЯВЛЯЙСЯ! — кричал он, и его голос звучал как голос тысячи существ. — ЯВЛЯЙСЯ И ДАРУЙ МНЕ СИЛУ! Я — ТВОЙ ВЕРНЫЙ СЛУГА! Я ПРИНЁС ТЕБЕ ЖЕРТВЫ! ТЫ ДОЛЖЕН ВОЗНАГРАДИТЬ МЕНЯ!

Но Хаос не дарует силу. Он лишь потребляет. Гигантская, многоугольная тень, которую они видели ранее, теперь материализовалась — не полностью, а как клубящаяся туманность из тьмы и боли, которая тянулась к Ло-Ашу, обвивая его тело щупальцами чистого хаоса. Его смех оборвался, превратившись в крик невыразимой агонии. Его собственная магия, его фанатичная вера обратились против него. Багровый свет, что окутывал его, стал пожирать его плоть, и он начал таять, как воск на огне, его крики становились всё тише, пока не превратились в хрип.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.